

A detailed illustration of a fantastical landscape. In the background, a massive, dark grey gothic cathedral with multiple spires and intricate stonework is built on a high, rocky mountain peak. Waterfalls cascade down the sides of the mountain, creating mist and pools of water. The foreground is dominated by autumnal trees with vibrant orange and red leaves. A person, seen from behind, stands on a rocky path, looking towards the cathedral. The sky is filled with soft, white clouds and a few birds in flight. The overall atmosphere is one of awe and mystery.

Диана Луч

ДИТЯ КРОВИ

Диана Луч
Дитя крови

«Автор»

2026

Луч Д. А.

Дитя крови / Д. А. Луч — «Автор», 2026

Когда перед тобой встаёт выбор спасти себя или, всё же нарушив равновесие мира, спасти близких, что же ты выберешь? Так и перед Евой встал этот нелёгкий выбор.

© Луч Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Диана Луч

Дитя крови

Глава

Вступление

Дорогой читатель,

прежде чем ты откроешь первую страницу этой истории, я хочу сказать тебе кое-что важное. Эта книга — не просто вымысел, не просто набор слов, сложенных в предложения. Это приглашение заглянуть за грань привычного, туда, где реальность истончается, а тени обретают собственный голос.

Я пишу это не для того, чтобы напугать тебя. Я пишу, чтобы напомнить: в каждом из нас живёт тьма, и в каждом — свет. Иногда они меняются местами, и тогда мир вокруг становится странным, пугающим, но невыносимо притягательным. Ты ведь тоже замечал это? Когда в пустой комнате вдруг скрипнет половица, когда в зеркале на долю секунды мелькнёт чужое отражение, когда ночной ветер доносит обрывки шёпота, который никто не произносил.

В этом романе ты встретишь героев, которые, возможно, окажутся ближе к тебе, чем кажется на первый взгляд. Их страхи — это наши страхи. Их надежды — это то, что заставляет нас жить дальше. Я хочу, чтобы ты прошёл этот путь вместе с ними. Не как сторонний наблюдатель, а как тот, кто стоит на самом краю пропасти и чувствует дыхание бездны. Ты будешь слышать их мысли, ощущать их дрожь, разделять их сомнения. И, может быть, узнаешь в них себя.

Открой книгу. Сделай вдох. И помни: иногда самые страшные чудовища живут не в лесах и не в старых замках, а в глубине собственной души. Они прячутся за нашими слабостями, питаются нашими тайнами и ждут своего часа. Но не бойся смотреть им в глаза. Ведь только тот, кто осмелится признать их существование, сможет победить.

Добро пожаловать в мир, где магия и реальность переплетаются так тесно, что их уже не разделить. Где каждый выбор имеет свою цену, а каждая тайна рано или поздно выходит на свет.

Пролог

Я проснулась от страха, который был холодным и липким, как мокрая простыня. В комнате стояла тишина, но это была не та тишина, что приносит покой. Это была тишина, которая ждёт. Ждёт, когда ты сделаешь вдох, когда пошевелишься, когда признаешь, что ты здесь не одна.

Я села на кровати и начала искать ЕЁ. Кровать была пуста. Подушка не смята. Но запах... этот проклятый запах духов всё ещё висел в воздухе, как призрак. Он говорил о том, что ОНА была здесь. И совсем недавно.

Я опустила ноги на пол. Доски скрипнули — этот звук всегда казался мне чужим, будто дом жаловался на что-то. Я вышла в коридор. Тени от утреннего солнца лежали на стенах, как уродливые кляксы. Я не стала включать свет. Иногда темнота безопаснее.

На кухне пахло кофе и чем-то ещё... чем-то сладким и тревожным. Я остановилась в дверях. Сердце билось где-то в горле. Я поняла: сегодня всё будет иначе. Что-то изменилось. Что-то сломалось.

*Кофе уже стояло на столе. Слуги знали: я всегда просыпаюсь рано. К шести утра всё было готово. *«Так, время значит шесть», * — подумала я.*

Я села за стол и принялась за завтрак. И тут я почувствовала — сзади кто-то есть.

Это была она.

— И давно ты приехала? — спросила я, не оборачиваясь.

Венера обняла меня сзади. Её смех был похож на звон разбитого стекла.

— Не хотела тебя будить просто...

Я поставила чашку на стол. Руки чуть дрожали.

— Ты пахнешь по-другому.

Венера замерла. Её руки соскользнули с моих плеч. В кухне повисла тишина.

— Что?..

Я обернулась. Её лицо было совсем близко. Те же глаза. Та же улыбка. Но что-то в них изменилось.

— Ничего. Просто показалось.

Но я знала: ничего не показалось.

Я понимала, для чего она тут. Она ждала, когда я всё ей расскажу. Но пока она молчала. Просто села напротив и смотрела на меня. В её взгляде была та самая грусть, которую я заметила ещё при нашей первой встрече — древняя, будто она видела слишком много.

— Думаешь, пора? — спросила я.

Она взглянула на меня, и её золотые крылья за спиной расправились — огромные, сияющие мёртвым светом.

— Ты ведь знаешь, что я не могу уйти, пока ты не скажешь правду. Не мне. Себе.

Я опустила глаза в чашку с остывшим кофе. Я не хотела говорить.

Венера медленно сложила крылья.

Запах в комнате сменился на пряный аромат — густой, тревожный, словно кто-то жёг сухие травы на старом кладбище.

— Хорошо. Я расскажу тебе всё... — вздохнула я. Голос был чужим даже для меня. — Но ты напишешь всё как есть.

Венера с облегчением вздохнула:

— Конечно.

Мы поднялись на третий этаж, в мой домашний кабинет. Это была не та комната для гостей. Здесь всегда царил полумрак; тяжёлые бархатные шторы были вечно задёрнуты, пропуская лишь узкие полоски пыльного света, в которых плясали пылинки — словно души давно умерших мыслей. Стены заставлены стеллажами из тёмного дуба, прогибающимися под весом книг. Здесь пахло старой бумагой и чем-то ещё... похожим на запах озона после грозы или серы из преисподней.

Я опустилась в глубокое кожаное кресло — оно скрипнуло подо мной, как стон больного животного.

Венера достала из воздуха ноутбук; его чёрный матовый корпус был холодным на вид, а экран ядовито засветился синим светом, от которого тени в углах стали ещё чернее и гуще.

«— Начинай, когда будешь готова», — произнесла она.

Я вздрогнула. Мои пальцы впились в подлокотники так сильно, что побелели костяшки. Кабинет вдруг показался мне клеткой, а светящийся экран ноутбука — глазом неведомого хищника, который ждал моей исповеди.

Я начала говорить.

Глава 1. Возвращение.

Первые лучи рассвета робко пробивались сквозь жалюзи, разрезая полумрак палаты тонкими полосками света. Я медленно открыла глаза. Голова была тяжёлой, мысли — вязкими, словно туман. Попыталась пошевелиться, но тело отозвалось тупой, ноющей болью, будто меня долго и методично били.

Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь мерным, механическим писком приборов. Этот звук был ровным, бездушным, и он ввинчивался в мозг, как сверло дантиста. Палата была чужой, стерильной, совершенно пустой. Воздух пах хлоркой и чем-то ещё... чем-то сладковатым, похожим на запах увядших цветов в морге.

С трудом сфокусировала взгляд на потолке — идеально белый, без единой трещинки или пятнышка. Затем повернула голову к окну. За стеклом мир только просыпался, окрашивая небо в нежные розово-золотые тона. Но эта красота казалась издевательством. Она была там, снаружи, а я была здесь, запертая в этой коробке из кафеля и боли.

Память возвращалась урывками, обрывками киноплёнки, которую кто-то порвал и склеил в случайном порядке. Вот она смеётся с подругами в шумном баре... Нет, не так. Это был не смех, а визг. Вот холодный воздух улицы обжигает лицо, а вот я иду по ночной дороге, пытаюсь поймать такси. Последнее, что осталось в сознании — ощущение абсолютного, всепоглощающего одиночества и тусклый, грязный свет фонарей. А дальше — темнота. Вязкая, чёрная пустота.

Я прикрыла глаза, пытаюсь ухватить ускользающие детали, но боль лишь усилилась, пульсируя в висках в такт писку аппарата. Сколько я здесь? День? Неделю? Что случилось? Вопросы роились в голове, как мухи над падалью, не находя ответов.

Внезапно тишину нарушил мягкий скрип двери. Звук был тихим, но в этой ватной тишине он показался мне оглушительным. В палату вошла женщина — высокая, стройная, с рассыпавшимися по плечам светлыми волосами, собранными в небрежный пучок. Белый халат сидел на ней идеально, но в её движениях не было той казённой суеты и усталости. В ней чувствовалась уверенность и спокойная сила.

— Проснулись? — её голос был тихим и удивительно мягким. В нём не было фальшивой бодрости или профессионального безразличия. Только искреннее участие. — Как вы себя чувствуете?

Я попыталась ответить, но из горла вырвался лишь сухой хрип. Я сглотнула, чувствуя саднящую боль.

— Где... я? — слова дались с трудом, царапая горло.

Она подошла ближе и мягко коснулась моей руки. Её ладонь была тёплой и уверенной.

— *Вы в городской больнице Святого Луки. Меня зовут Клара. Я ваш лечащий врач. Я попыталась сфокусировать на ней взгляд. В её глазах не было холода или оценки. Только спокойная доброта и лёгкая тревога.*

— *Что... случилось? — снова спросила я.*

Клара чуть нахмурилась:

— *Вас нашли на старой объездной дороге, далеко за городом. Вы были без сознания и в очень тяжёлом состоянии. Переохлаждение, сильное истощение и травма головы. Кто-то из водителей заметил вас и вызвал «скорую». Мы не знаем всех деталей случившегося.*

Я не помнила ни дороги за городом, ни того, как там оказалась. Я помнила только пустую дорогу и одиночество.

Я снова посмотрела в окно. Небо уже не было розовым. Оно стало серым, свинцовым.

Клара заметила мой взгляд и улыбнулась ободряюще:

— *Не пытайтесь сейчас всё вспомнить сразу. Это нормально после такой травмы и стресса. Память вернётся постепенно.*

Она поправила мне одеяло.

— *Отдыхайте. Вам нужен покой.*

— *Подождите! — окликнула я её хрипло. Голос был слабым, как у котёнка. — Моя сумка... телефон... Где мои вещи?*

Клара остановилась в дверном проёме и снова тепло улыбнулась:

— *Не волнуйтесь об этом сейчас. При вас был только телефон. Он не здесь. Его изъяла полиция для выяснения обстоятельств. Как только они закончат проверку, вы сможете его забрать.*

Она вышла так же тихо, как и вошла.

Я осталась одна.

И впервые с момента пробуждения я почувствовала не только боль и растерянность.

Я почувствовала странное облегчение.

Потому что Клара была добра ко мне. И потому что кто-то нашёл меня там, на пустой дороге.

Но где-то глубоко внутри всё ещё сидел холодок сомнения. Я не помнила дороги за городом. И я не помнила ничего из того, что привело меня туда. А память... она возвращалась урывками, словно кто-то специально вырезал самые важные кадры из фильма моей жизни.

Прошла неделя с того момента, как я открыла глаза. Дни тянулись медленно, наполненные уколами, процедурами и редкими, но такими важными разговорами с Кларой. Я уже не чувствовала себя беспомощным телом, подключённым к аппаратам. Ко мне возвращались силы, а вместе с ними — и острое, почти болезненное желание жить дальше. Словно я вынырнула из тёмной воды на поверхность и теперь жадно хватала ртом воздух.

Клара стояла у окна, просматривая последние анализы. Свет падал на её лицо, подчёркивая морщинки усталости в уголках глаз. Она хмурилась, взвешивая риски. Переводить пациентку в обычную палату было рано, сердце всё ещё давало сбои, но держать её в реанимации дольше положенного срока тоже было нельзя. Это было против правил. Против логики. Но Клара привыкла доверять не только сухим цифрам на мониторе, но

и своему чутью. А чутьё кричало ей, что Еве нужно больше покоя, чем суеты общих палат.

Решение о переводе далось ей с трудом. Она подписала бумаги, ощущая тяжесть ответственности, словно это был смертный приговор или помилование. Когда меня устроили уже в новой, отдельной и просторной палате, где воздух не пах так сильно антисептиком, а из окна был виден не кирпичный брандмауэр соседнего здания, а кусок серого неба и верхушка старого тополя, дверь снова открылась.

На пороге стояла женщина. Не медсестра и не врач. В её движениях была какая-то особая, выверенная точность. Тёмное пальто, неброский, но дорогой шарф и взгляд. Взгляд человека, который привык видеть чужую боль и не отводит глаз. Она не улыбалась.

— Ева? — её голос был низким, чуть хриловатым. — Меня зовут Вера Соколова. Я следователь.

Она показала удостоверение, но я даже не стала вглядываться в буквы. Я просто кивнула. В палате повисла тишина. Клара, которая собиралась уходить, замерла в дверях.

— Я бы хотела задать вам несколько вопросов, — продолжила Вера, подходя ближе и аккуратно ставя на тумбочку небольшой диктофон. — Если вы, конечно, в состоянии говорить.

Я снова кивнула.

Вера села на стул рядом с кроватью. Её глаза, серые и холодные, как речная галька, внимательно изучали моё лицо. Она не торопилась. Она ждала.

— Что вы делали на старой объездной дороге в ту ночь? — наконец спросила она. Вопрос прозвучал буднично, словно она спрашивала о погоде.

Я сглотнула. В горле пересохло.

— Я... я не помню, — мой голос был слабым шёпотом.

Вера едва заметно кивнула, словно именно такого ответа она и ожидала.

— Постарайтесь вспомнить хоть что-нибудь. Хоть какую-то деталь. Куда вы ехали? Или, может, от кого-то убежали?

Я закрыла глаза, пытаясь пробиться сквозь пелену забвения. В голове мелькали обрывки: холодный ветер, свет фар в спину, тёмная стена леса по обе стороны дороги... И что-то ещё. Что-то тёмное и страшное, что пряталось в этой темноте. Но как только я пыталась ухватиться за это воспоминание, голову пронзала острая боль.

— Ничего... простите... ничего не помню.

Вера выключила диктофон. Щелчок прозвучал неожиданно громко.

— Ничего страшного, — сказала она, но её голос не вязался с жёстким блеском в глазах. — Память — штука коварная. Иногда она возвращается тогда, когда её совсем не ждёшь. Иногда... она возвращается с ночными кошмарами.

Она встала.

— Отдыхайте, Ева. Набирайтесь сил. Мы ещё поговорим.

Она направилась к двери, но остановилась, словно что-то вспомнив.

— Ваш телефон у нас. Там нет ничего... подозрительного. Но если вы вспомните пароль от него или от почты... это могло бы нам помочь.

Я покачала головой. Пароль? Почта? Всё это казалось таким далёким и неважным сейчас.

Вера ушла, оставив после себя лишь запах терпких духов и ощущение тревоги. Клара подошла ко мне и мягко коснулась плеча.

— Не переживай из-за неё. Тебе нужен покой.

Я посмотрела на неё с благодарностью. Клара была моим якорем в этом бушующем море неизвестности. Но слова следователя о кошмарах... они запали мне в душу.

Потому что они уже начались.

Просто я боялась ей об этом рассказать.

День прошёл быстро. Он был наполнен тихим, больничным бытом: капельницами, запахом жидкого больничного обеда, который я едва тронула, и мерным, усыпляющим гулом города за окном. Вечерний обход Клара начала с моей палаты. В руках у неё была карта, но смотрела она не в неё, а на меня. В её взгляде читалась профессиональная тревога, смешанная с чем-то очень личным, почти материнским.

— У меня для тебя хорошие новости, — сказала она, присаживаясь на край стула. Её голос был мягким, но в нём слышались стальные нотки врача, который привык сообщать и плохие вести. — Я открыла к тебе посещения.

Она сделала паузу, внимательно наблюдая за моей реакцией. Она ждала. Искала в моих глазах хоть проблеск узнавания, хоть искру памяти.

— Завтра приедет твоя подруга Луиза.

Луиза. Я попыталась напрячь голову, пробиться сквозь плотный туман забвения. Имя было знакомым, как мелодия из далёкого прошлого, но лицо... лицо оставалось размытым пятном. Я покачала головой.

— Я... не помню.

Клара не стала настаивать. Она лишь кивнула с понимающим видом профессионала, который знает: всему своё время. Но в тот момент, когда имя «Луиза» растворилось в стерильном воздухе палаты, из глубин памяти всплыло другое. Оно ударило меня, как электрический разряд. Не имя. Ощущение.

Тёплые детские ладошки. Запах сладкой ваты и шампуня «без слёз». Тихий смех.

Мики.

Это был не просто образ. Это была физическая боль в груди, острая и режущая. Мой сын.

Я резко села на кровати, игнорируя головокружение. Паника ледяной волной окатила меня с ног до головы.

— Клара! — мой голос сорвался на крик. — Где мой сын? Где Мики?!

Клара тут же оказалась рядом, её рука легла мне на плечо, пытаясь успокоить.

— Тихе-тише, Ева. Всё хорошо. Дыши.

— Он в порядке? С ним всё хорошо? Почему он не здесь?! — я задыхалась от ужаса, представляя самое страшное.

Клара дождалась, пока первая волна паники схлынет, и заговорила ровным, успокаивающим тоном:

— С Мики всё хорошо. Он в безопасности.

Я вцепилась в её руку.

— Тогда почему... почему он не со мной?

Клара вздохнула и села обратно. В её глазах была глубокая печаль.

— Ева... когда тебя нашли, при тебе не было никаких документов. Мы не знали, кто ты, не знали о сыне. Полиция начала поиски твоих родственников только через несколько дней. Луиза... она пришла в участок сама, как только увидела новости о тебе.

Слово «Луиза» теперь обрело плоть. Я всё ещё не помнила её лица, но я чувствовала тепло её присутствия в этой истории.

— Она... с ним?

Клара кивнула.

— Да. Она забрала Мики к себе сразу же. Она очень тебя любит и очень испугалась за мальчика.

Тяжёлый камень упал с души. Он не у какой-то злой мачехи или холодного мужа. Он у подруги. У Луизы.

Я откинулась на подушку, чувствуя, как слёзы текут по вискам, но теперь это были слёзы облегчения.

— Я хочу увидеть сына.

— Я знаю, — тихо ответила Клара и сжала мою руку. — Мы сделаем всё возможное. Но сначала тебе нужно поправиться.

Она встала и выключила верхний свет, оставив лишь тусклый ночник у двери.

— Отдыхай. Завтра приедет Луиза. И она привезёт с собой кое-что очень важное для твоего выздоровления.

Дверь за ней закрылась почти бесшумно.

Я осталась одна в полумраке палаты. За окном гудел город, живущий своей жизнью. А я лежала и смотрела в потолок. Имя «Луиза» больше не было пустым звуком. Оно стало якорем, связывающим меня с реальностью и с моим сыном.

Он был там. С ней. В безопасности.

И эта мысль была единственным светом в холодной темноте моей памяти.

Под тщетные попытки что-то вспомнить ещё я начала проваливаться в сон. Но хорошего он мне не дал. Сон — это ведь тоже своего рода комната, и в эту ночь мою комнату кто-то взломал.

Мне начали сниться страшные кошмары. Не просто плохие сны, а вязкая, чёрная топь, в которой я тонула. Я видела много трупов, они лежали в снегу, их лица были серыми и распухшими, а глаза были открыты, но в них не было ничего, кроме мутного льда. Между ними ползали непонятные существа, похожие на сгустки тьмы с кривыми, острыми конечностями.

И что-то ещё... Что-то гораздо хуже. Оно не имело чёткой формы, это была просто тень, плотнее ночи. Я не видела его, но чувствовала его присутствие. Оно было голодным и древним. И оно тянулось ко мне. Я видела, как из мрака к моей кровати тянутся мерзкие, тонкие, как ветки старого дерева, пальцы. Они были холодными и чёрными от копоти, словно их только что вынули из печи крематория.

Когда эта рука меня коснулась — коснулась моего плеча сквозь одеяло — я проснулась.

Это был уже не сон.

Это была Клара. Она сидела на краю моей кровати, её лицо было совсем близко, и в тусклом свете ночника я видела, как она встревожена. Её рука всё ещё лежала на моём плече, и именно это прикосновение вырвало меня из лап того существа.

— Тише, Ева, — прошептала она. — Ты кричала во сне. Просто кошмар.

Я хватала ртом воздух, словно вынырнула из ледяной воды. Сердце колотилось о рёбра так сильно, что было больно. Я вся была в холодном, липком поту.

— Оно было здесь... — прошептала я, сцепившись в её руку. — Оно дотянулось до меня.

Клара не стала говорить мне, что это всего лишь сон. Она смотрела на меня с серьёзностью врача, который видит симптомы, но не может поставить диагноз.

— Расскажи мне, что ты видела.

И я рассказала. Про трупы в снегу. Про чёрные руки. Про голодную тьму. Пока я говорила, за окном начинало светать. Серый рассвет не приносил облегчения, он лишь делал тени в углах палаты более резкими и злыми.

Когда я закончила, Клара долго молчала.

— *Это может быть просто последствием травмы и лекарств, — наконец сказала она, но её голосу не хватало уверенности. — Мозг иногда выдаёт причудливые образы...*

Она не закончила фразу. Мы обе знали, что это была ложь. Это был не просто бред повреждённого мозга. Это было послание. Или предупреждение.

Клара встала и подошла к окну, отдёргивая штору.

— *Сегодня придет Луиза. Тебе нужно подготовиться.*

Я смотрела на её спину, освещённую утренним светом.

— *Клара... а что, если это был не сон? Что, если это было... воспоминание?*

Она замерла на секунду, а потом медленно повернулась ко мне. Её лицо было бледным.

— *Тогда нам нужно выяснить правду как можно скорее. Пока тьма не нашла тебя снова.*

И в этот момент я поняла: кошмары только начинаются. А то существо из сна... оно не просто так тянуло ко мне свои руки. Оно знало моё имя. И оно ждало.

Я умылась и, пошатываясь, побрела в столовую. Ходить я уже могла, пусть и не слишком уверенно, поэтому решила есть со всеми. Общая столовая — это всегда шум, звон ложек и запах переваренной капусты. Еда тут была не очень, но мне было всё равно. Главное — не лежать пластом, а двигаться. Жить.

Я села за свободный столик у окна, ковыряя вилкой нечто, по замыслу повара, являвшееся омлетом. Мой взгляд бездумно скользил по залу, пока не зацепился за один из дальних столов.

Там сидел мальчик. Ему на вид было лет четырнадцать максимум: высокий для своего возраста, сутулившийся, словно пытаясь стать меньше. Он сидел один, ковыряя еду и исподлобья поглядывая на шумную компанию подростков за соседним столом. В его взгляде была смесь вызова и обречённости.

И в этот момент меня словно ударило током.

Мики.

Это имя вспыхнуло в голове так ярко, что я чуть не выронила вилку. Я вспомнила. Вспомнила его. Моего сына. Ему десять лет. Он младше того мальчика в столовой, но почему-то именно этот незнакомый подросток стал ключом к замку моей памяти.

Я вспомнила нашу первую встречу. Там, в государственном учреждении. Серые стены, выкрашенные казённой зелёной краской до уровня пояса, а выше — грязно-жёлтые. Запах хлорки и старой штукатурки. И он. Маленький, взъерошенный воробей в огромной комнате, где гудели телевизоры и плакали дети.

Я вспомнила его взгляд. Не этот исподлобья, а другой — настороженный, колючий. Он никому не верил. Он уже знал, что мир — это место, где тебя могут обидеть. Я видела синяки на его руках. Видела, как его задирали другие ребята, ребята постарше и покрупнее. А он... он пытался дать отпор. Глупо, неумело, но отчаянно. Он кусался и царапался, пока воспитательница не оттащила от него обидчиков.

«Бедный мальчик», — подумала я тогда.

Я вспомнила документы. Стопку бумаг на столе у директрисы. И дату.

Я забрала его всего три месяца назад. Три месяца. А кажется, прошла целая жизнь. За то время, что мы были вместе... я смогла с ним сблизиться. Это было непросто. Он не верил. Не верил ни единому моему слову поначалу. Смотрел волчком, молчал сутками. Но лед потихоньку таял. Медленно. По чуть-чуть.

А теперь... теперь я здесь. А он там. С Луизой. Один.

От этой мысли кусок застрял у меня в горле. Я отодвинула тарелку. Аппетит пропал окончательно.

Я смотрела на мальчика в столовой, и слёзы сами собой наворачивались на глаза. Он был просто похожим. Просто напоминанием о том, что я могла потерять самое дорогое, что у меня есть.

И что я должна любой ценой вернуть себе свою жизнь и своего сына.

*Я брела по коридору обратно в палату, погружённая в свои мысли. В голове стучала одна и та же мысль, как заевшая пластинка: *«Как он там? Ждёт ли? Помнит ли?»*. Я так глубоко ушла в себя, что не заметила, как дошла до своей двери. Рука сама потянулась к ручке, я толкнула дверь и вошла.*

И опешила.

В первую секунду мне показалось, что у меня снова галлюцинации. На моей кровати, спиной к двери, сидела девушка. Но прежде чем я успела что-то сказать или даже осмыслить увиденное, сбоку, из-за занавески, которая отгораживала часть палаты, раздался топот маленьких ног.

— Мама! — крикнул он.

Рванувшись так, что чуть не сбил капельницу, ко мне бросился Мики. Мой Мики. Он врезался в меня всем своим маленьким, тёплым телом, обхватил руками за талию и прижался так крепко, будто боялся, что я сейчас растаю, как дым. Я пошатнулась от неожиданности, но устояла. Мои руки сами собой опустились ему на плечи, а затем зарылись в его волосы.

Он был здесь. Он был настоящим. Он был тёплым и живым.

— Мики... — прошептала я, и голос сорвался. Я чувствовала, как по щекам текут слёзы. — Мой мальчик...

Он поднял на меня заплаканное лицо. В его глазах стояли слёзы, но он изо всех сил старался не плакать.

— Я думал... я думал, ты не вернёшься... — прошептал он дрожащими губами.

Я опустилась перед ним на колени, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Ну что ты, глупый. Конечно, я вернулась. Я всегда буду возвращаться к тебе. Всегда.

Я прижала его к себе ещё крепче, вдыхая родной запах его волос. Весь мир сузился до этого момента, до тепла его тела в моих руках.

И только спустя минуту я подняла голову и посмотрела на девушку, которая всё это время молча сидела на кровати и смотрела на нас. Она не улыбалась. На её лице была написана такая смесь облегчения и тревоги, что у меня защемило сердце.

Я медленно встала, не выпуская руки сына.

Это была она. Луиза. Теперь я вспомнила и её. Не чётко, образами: рыжие волосы, звонкий смех и запах цитрусового парфюма. Моя подруга.

— Луиза? — тихо спросила я.

Она кивнула и наконец-то позволила себе слабую, дрожащую улыбку.

— Привет, Ева. С возвращением.

Мики дёрнул меня за руку.

— Мам, я же говорил! Говорил тёте Луизе, что ты очнёшься! А она переживала...

Луиза встала и подошла к нам. Она не стала обнимать меня — чувствовала, что сейчас всё моё внимание принадлежит сыну. Она просто положила руку мне на плечо.

— Я рада, что ты оказалась права, чемпион.

Я посмотрела на них обоих — на своего сына и свою подругу — и поняла одну простую вещь. Кошмары могут быть реальностью. Тьма может тянуться к тебе своими чёрными руками. Но пока у тебя есть ради кого возвращаться — ты непобедима.

— Я не могу быть у тебя, — сказала я Луизе, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Ты знаешь сама, я должна вернуться в особняк.

Луиза всё прекрасно понимала. Она не стала спорить, не стала уговаривать меня «отдохнуть ещё немного» или «подумать о себе». Она просто повернулась ко мне, и в её глазах я увидела не просто радость, а огромное, бездонное облегчение. Будто с её плеч свалился груз, который она несла всё это время.

Она крепко меня обняла, так крепко, что у меня перехватило дыхание.

— Я рада, что ты вернулась, — прошептала она мне на ухо. — Просто... рада.— Сейчас одену Мики и увезу вас.

Она вышла из машины, оставив меня одну. Я посмотрела на конверт с деньгами, который лежал на приборной панели. Мне они не нужны будут. У меня их и так хватает. Деньги никогда не были для меня проблемой. Проблема была в том, что за эти деньги можно было купить, и что от них нельзя было откупиться.

Я взяла конверт и положила его обратно в бардачок. Пусть будут. На бензин. На мороженое для Мики.

Они оделись быстро. Слишком быстро. Словно тоже ждали этого момента, отсчитывали минуты до моего возвращения. А потом дверь дома распахнулась, и на крыльцо выбежал Мики. Он был в новой куртке, которая была ему немного велика, и в вязаной шапке, натянутой на самые уши.

Он увидел меня, и его лицо озарилось такой сияющей, такой чистой радостью, что у меня внутри всё перевернулось. Он не бежал, а летел ко мне, перепрыгивая через две ступеньки.

— Мама! — крикнул он.

*Он бросился ко мне, обхватил руками и уткнулся холодным носом мне в шею.
— Мама наконец дома, — прошептал он.*

И в этот момент я поняла всё. Поняла, почему я должна вернуться в тот особняк. Поняла, почему я не могу остаться у Луизы. Это место... оно было отравлено. Оно было связано с тьмой, с той ночью, с моим провалом в памяти. Но пока Мики со мной, пока я чувствую его тепло, эта тьма не имеет власти.

Я отстранила его и посмотрела в его глаза.

— Да, малыш. Мама дома. И больше никуда не исчезнет.

Луиза стояла на крыльце, скрестив руки на груди, и смотрела на нас. Она ничего не сказала. Ей и не нужно было ничего говорить. Мы обе знали: это только начало. Настоящая битва за наши жизни ещё впереди.

Мы сели в машину. Мики всю дорогу не отпустил мою руку и без умолку болтал о школе, о новом друге и о том, как он скушал по нашему псу Рексу.

А я смотрела в окно на приближающийся силуэт моего дома — огромного, мрачного особняка на холме — и чувствовала, как ледяной палец ужаса медленно проводит по моему позвоночнику.

Мы ехали домой.

Глава 2. Джин и Договор.

По приезде нас встретила Агата Петровна. Она стояла на крыльце, прямая, как струна, в своём неизменном тёмном платье, и на её лице не дрогнул ни один мускул, когда она увидела меня. Для неё, похоже, не было ничего странного в том, что хозяйка вернулась из больницы. В её мире всё шло своим чередом: пыль вытиралась по расписанию, ужин подавался в семь, а порядок был превыше всего.

Мики, забыв все плохое, все свои страхи и слёзы, с радостным криком вырвался из машины и побежал в дом, к Рексу, который уже заливался счастливым лаем где-то в глубине холла. Я же осталась стоять у машины, не в силах сделать и шага.

Я подняла голову и глянула на особняк. Какой же он огромный. Он нависал над нами, как спящий доисторический зверь, сложенный из серого камня. Это было моё неожиданное наследство. Моё бремя. Моя тюрьма.

*Ещё каких-то три года назад я была обычной девушкой-фрилансером, которая перебивалась с копейки на копейку, жила в съёмной однушке и радовалась, если удавалось вовремя оплатить интернет. А теперь... теперь я самая богатая. Я есть даже в списке *Forbes*. Но это всё такие мелочи. Главное, что теперь у меня есть семья.*

Граф, который оставил мне это огромное наследство, не был мне ближайшим родственником. Я оказалась наследницей только из-за своей уникальной ДНК. Как оказалось впоследствии, что-то было в крови у меня, что есть только у этого древнего рода. Какая-то проклятая метка, какой-то дефект или, наоборот, дар, который дремал веками, пока не проснулся во мне.

Я вышла из воспоминаний и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Ощущение было таким реальным, таким осязаемым... Я резко обернулась. Мне показалось, что за мной кто-то ещё наблюдает. Взгляд был липким, он касался затылка, лез под одежду. Но рядом никого не было. Только пустой двор, серый гравий подъездной дорожки и голые ветви старых деревьев, которые тихо скрипели на ветру.

— С вами всё в порядке? — голос Агаты Петровны был сух и официален. Она подошла бесшумно, как кошка.

— Да... просто показалось, — я заставила себя улыбнуться.

— Ваш сын уже наверху. Он спрашивал про ужин.

— Спасибо, Агата Петровна.

Я вошла в дом. Внутри было тепло и пахло старым деревом и воском для паркета. Этот запах всегда действовал на меня успокаивающе... раньше. Сейчас же он казался мне слишком тяжёлым, удушающим.

Я поднялась в свою комнату. Огромная спальня с высоченным потолком и кроватью размером с футбольное поле. Всё здесь было кричаще дорогим и абсолютно чужим.

Я подошла к окну и отдернула тяжёлую бархатную штору. Отсюда был виден весь сад, плавно переходящий в лес. И там, на самой границе, где последние клочки снега смешивались с жухлой травой, я заметила движение.

Просто тень мелькнула между стволами сосен.

Или мне снова показалось?

Я прижалась лбом к холодному стеклу.

«Защитная реакция мозга», — сказала бы Клара.

Но я знала: это не защита. Это предупреждение.

Что-то вернулось вместе со мной в этот дом. Что-то ждало меня здесь всё это время.

И оно было голодно.

Мы поужинали с Мики. Агата Петровна подала пасту, и сын, обычно привередливый в еде, уплетал за обе щеки, рассказывая взахлёб о своих школьных делах. Я слушала его вполуха, кивая в нужных местах, но мыслями была далеко. Мой взгляд то и дело возвращался к тёмным окнам, за которыми сгущались сумерки. Лес, окружавший особняк, из серого становился чёрным, и в этой черноте мне чудилось движение.

После ужина я не отпустила его к телевизору. Мне нужно было почувствовать его рядом, нужно было убедиться, что он настоящий.

— Пойдём, — сказала я, вставая из-за стола. — Покажу тебе кое-что.

Я повела его по широкой парадной лестнице на второй этаж, а оттуда — в западное крыло дома. Здесь коридор был другим: стены выкрашены в тёплый жёлтый цвет, а на полу лежал мягкий ковёр с длинным ворсом, который глушил наши шаги. Это место было чужеродно для мрачного величия особняка, словно кусочек другого мира.

Я толкнула тяжёлую дубовую дверь, и мы вошли.

Это была игровая комната. Просторная, залитая светом из огромного окна. Я спланировала её лично, вложив в это столько же души, сколько граф вложил в свою библиотеку с древними фолиантами. Здесь всё кричало о детстве и радости: огромный шведский стенка, верёвочная лестница, ведущая к подвесному «гнезду» под самым потолком, стол для *LEGO* и целая стена, от пола до потолка, занятая стеллажами с игрушками.

Мики замер на пороге. Его глаза стали размером с блюдце.

— Это... это всё мне? — прошептал он, не веря своему счастью.

— Конечно, тебе. Я же обещала, что у тебя будет свой замок.

Он с визгом бросился мне на шею, а потом, забыв обо мне в ту же секунду, рванул к ящику с конструктором. Я смотрела, как он с головой уходит в игру, как оживает его

лицо, как исчезает та тень недоверия и страха, что поселилась в нём за время моего отсутствия.

Я сидела в мягком кресле в углу и наблюдала за ним. Комната была звуконепроницаемой — я специально об этом позаботилась. Снаружи не доносилось ни звука. Весь мир сжался до размеров этого уютного, яркого куба.

Но даже здесь я не могла расслабиться полностью.

Я снова почувствовала это. Тот самый взгляд в спину. Он был здесь. В доме. Он следил за нами через стены.

Я резко обернулась к двери. Никого. Только тишина и весёлый смех Мики.

— Мам, смотри! Я строю башню! Она будет до неба!

Я заставила себя улыбнуться и повернулась к сыну.

— Вижу, чемпион. У тебя отлично получается.

Я снова посмотрела на дверь. Щель между дверью и косяком была чернее ночи.

Оно было там. Слушало. Ждало.

Наигравшись, Мики начал клевать носом. Глаза у него слипались, но он упрямо тёр их кулачками, отказываясь признавать очевидное. Энергия, бурлившая в нём час назад, иссякла, сменившись приятной, тёплой усталостью.

— Всё, герой, пора баиньки, — сказала я, выключая верхний свет и оставляя только тусклый ночник в виде ракеты.

— Ну мам... ещё пять минуточек... — пробормотал он, уже не в силах бороться со сном.

— Никаких минуточек. Марш умываться.

Это был обязательный ритуал, который он ненавидел. Попытка улизнуть была слабой и предсказуемой. Он дёрнулся было к кровати, надеясь нырнуть под одеяло прямо в игровой одежде, но я была начеку. Подхватив его на руки, я отнесла упирающееся, но уже сонное тельце в ванную.

Ванная комната Мики была такой же яркой и не похожей на остальной дом, как и его игровая. Я включила тёплую воду, и он, смирившись с неизбежным, начал плескаться, разбрызгивая воду на зеркальную плитку. Я не ругала его за это. Пусть. Главное, что он здесь, со мной.

Когда с водными процедурами было покончено, мы пришли в его спальню. Это была просторная комната с панорамным окном, выходящим на лес. Сейчас, в темноте, лес казался сплошной чёрной стеной.

Я уложила его под одеяло. Он тут же свернулся калачиком, подтянув колени к подбородку, совсем как маленький зверёк в поисках тепла и безопасности. Я села на край кровати и погладила его по влажным после душа волосам.

— Мам... — его голос был уже совсем сонным.

— Да, родной?

— А мы теперь всегда будем вместе? Ты больше не исчезнешь?

У меня защемило сердце. В его голосе не было страха, только отчаянная надежда маленького человека, который слишком много пережил.

— Никогда, — твёрдо сказала я, наклоняясь и целуя его в лоб. — Я больше никогда тебя не оставлю. Обещаю.

Он улыбнулся — слабо, но счастливо — и закрыл глаза. Его дыхание стало ровным и глубоким. Он уснул почти мгновенно.

Я ещё долго сидела рядом, глядя на его безмятежное лицо в полумраке комнаты. Я смотрела на него и думала о том, что готова сжечь этот проклятый особняк дотла, если это потребуется, чтобы защитить его сон. Чтобы защитить его от той тьмы, что притаилась за стенами этого дома.

Я наклонилась и поправила ему одеяло.

Спи, мой мальчик. Пусть тебе снятся только добрые сны.

На часах было уже почти полночь. Дом погрузился в глухую, ватную тишину. Даже старые трубы перестали гудеть. В этой тишине чувство страха снова дало о себе знать. Оно было холодным и липким, как паутина, коснувшаяся лица. Но тут же, почти мгновенно, этот страх сменился чем-то новым. Чем-то, что, наоборот, придало мне сил.

Это было не безумие. Это была уверенность. За эти три года, живя здесь, я была просто гостьей, тенью в собственном доме. Я боялась его углов, шорохов и скрипов. Но сегодня всё изменилось. Сегодня я чувствовала, что дом — это не просто камень и дерево. Это была книга, которую мне предстояло прочесть. И у меня впервые появилось жгучее, непреодолимое желание её открыть.

Я тихо выскользнула из комнаты Мики, прикрыла за собой дверь и на цыпочках прошла по коридору. В холле я взяла с подставки тяжёлый металлический фонарь — тот самый, что всегда лежал здесь на случай отключения электричества. Его холодная рукоять придала мне ещё больше решимости.

Я включила фонарь. Луч света был узким и ярким, он резал темноту, как нож режет масло. Я побрела вперёд, вглубь западного крыла, туда, куда я раньше боялась даже заглядывать.

На весь особняк, как я помнила из документов, было минимум сто шестьдесят помещений. Они были разными — какие-то повторялись, симметричные гостиные или библиотеки, но выглядели по-другому. В одной — камин был облицован зелёным мрамором, в точно такой же соседней — серым гранитом. Одна картина висела чуть криво, в другой — на том же месте — красовался гобелен.

Я чувствовала взгляд. Тот самый, что преследовал меня с момента возвращения. Но теперь он не пугал. Он не таился во тьме, пытаясь напугать. Он будто... вёл меня. Подсказывал путь. Ждал, когда же я его найду.

И я шла. Комната за комнатой.

Я проходила через пыльные балльные залы, где эхо моих шагов звучало как чужое дыхание. Заглядывала в заброшенные оранжереи, где мёртвые растения в кадках походили на скелеты. Я спускалась по узким винтовым лестницам для прислуги, где воздух был спёртым и пахло мышами.

Фонарь выхватывал из темноты фрагменты: резные ножки кресла, потускневшую позолоту рамы, паутину, свисающую с потолка тяжёлыми, пыльными полотнищами.

Я не знала, что именно я ищу. Но я знала, что найду это. Дом звал меня. И я шла на его зов, готовая заглянуть в самые тёмные его углы.

Пройдя в одну из комнат, я наткнулась на старую библиотеку. Дверь поддавалась с протяжным, жалобным скрипом, и меня окутал запах, который бывает только в очень старых местах: запах пыли, слежавшейся бумаги, сухого клея и чего-то ещё... чего-то неумовимо сладковатого и тленного.

Здесь было темно. Абсолютно. Я пошарила рукой по стене у косяка, пытаюсь нащупать выключатель, но стена была гладкой и холодной — ни кнопки, ни рычага. Электричество сюда не дотягивалось, или же его нарочно здесь не было.

Под тусклым светом фонаря можно было разглядеть огромную библиотеку. Потолок терялся во мраке где-то наверху, а стеллажи из чёрного, почти чёрного дерева уходили вдаль, образуя настоящие лабиринты. Книги стояли плотными рядами, их корешки были тиснёными, кожаными, с названиями на латыни и языках, которые я не узнавала.

*Я пошла вперёд, идя и разглядывая странные книги. Таких не было больше нигде в доме. Здесь не было дамских романов или современной беллетристики. Это были фолианты в тяжёлых переплётах, с застёжками из потускневшего серебра. Названия вроде *«De Vermis Mysteriis»* или *«Некрономикон»* заставили меня вздрогнуть. Я не читала их, но названия были знакомы мне из кошмаров и полузабытых легенд.*

Я остановилась у одного из стеллажей, водя лучом фонаря по рядам. Внезапно свет фонаря дрогнул. На полу передо мной выросла длинная, искажённая тень. А рядом с ней... среди теней полук, там, куда не доставал свет моего фонаря, шевельнулась ещё одна тень.

Она была чернее самой тьмы. Она не имела чётких очертаний, это был просто сгусток мрака, более плотный, чем окружающий воздух. Но я увидела глаза. Два маленьких, злобных уголька.

Красные. Огненные.

Они висели в воздухе на уровне моего лица и смотрели прямо на меня. В них не было зрачка, только жидкое, яростное пламя.

Я замерла, боясь вдохнуть. Сердце ухнуло куда-то в пятки.

Тень не двигалась. Она просто смотрела. И я смотрела на неё.

А потом она... моргнула. И исчезла. Просто растворилась в черноте между книгами, как будто её и не было.

Фонарь в моей руке задрожал так сильно, что луч света заплясал по потолку. Я выключила его.

Тьма стала абсолютной.

И в этой тьме я услышала шёпот. Он доносился отовсюду и ниоткуда одновременно. Он был тихим, как шелест переворачиваемых страниц.

«Ты вернулась...»

Я понятилась назад, спотыкаясь о стопки книг на полу, и бросилась к выходу, захлопнув за собой тяжёлую дверь библиотеки с оглушительным грохотом.

Я бежала по коридорам, не разбирая дороги, пока не оказалась у своей спальни. Только заперевав за собой дверь на замок, я смогла перевести дух.

Я прислонилась спиной к холодному дереву и сползла на пол.

Оно знало моё имя.

И оно ждало меня здесь всё это время.

Немного отдышавшись в тишине и темноте дома, я решилась вернуться. Страх никуда не делся, он просто свернулся в груди холодным, тугим узлом, уступив место другому чувству — жгучему, болезненному любопытству. Я должна была знать. Должна была увидеть это снова.

Вновь зайдя в эту библиотеку, я начала вглядываться в тени. Я стояла неподвижно, стараясь даже не дышать, чтобы не спугнуть то, что здесь обитало. Не знаю, сколько времени прошло. Может, минута, а может — час. Время здесь текло по своим, извращённым законам.

И я увидела его снова. Тот же сгусток тьмы с двумя тлеющими углями глаз. Он не прятался. Он... манил.

И я погналась за ним.

Это была погоня. Безмолвная и стремительная. Тень скользила впереди, не издавая ни звука, лишь изредка мелькая в просветах между полками. Я неслась за ней, петляя между стеллажами, спотыкаясь о разбросанные на полу фолианты. Подсвечник я давно отбросила — он только мешал. Фонарь в моей руке выхватывал из темноты лишь корешки книг с незнакомыми названиями и бесконечные ряды пыльных полок.

Я следовала за ней с упорством гончей, взявшей след. Это было безумие, чистый инстинкт. Я не думала о том, что буду делать, когда догоню. Я просто должна была его увидеть.

Наконец, спустя пару минут этой безумной гонки, я загнала существо в тупик. Проход закончился глухой каменной стеной, украшенной потускневшей мозаикой с изображением какого-то древнего сражения. Тень метнулась вправо, влево, но выхода не было. Она оказалась в ловушке.

Существо медленно развернулось ко мне.

То, что я увидела, повергло бы обычного человека в безумие. Его разум просто отключился бы, спасая себя от вида этого кошмара. Но для меня это было лишь подтверждением того, что мир устроен совсем не так, как я думала раньше. Что все сказки и легенды — это лишь отголоски правды.

Передо мной стояло создание из древних кошмаров и забытых мифов.

У него была голова льва с густой, спутанной гривой, из которой торчали сухие ветки и паутина. Глаза — два тлеющих угля — смотрели на меня с нечеловеческим спокойствием и древней мудростью. Могучее тело человека было покрыто шрамами

и странными татуировками, которые, казалось, двигались и извивались под кожей, словно живые змеи. А ниже пояса тело переходило в мощные, покрытые жёсткой шерстью ноги быка, которые с силой упирались в каменный пол, оставляя на плитах глубокие царапины.

Я остановилась в нескольких шагах от него, тяжело дыша. Моё сердце колотилось о рёбра так сильно, что, казалось, вот-вот сломают их. Рука с фонарём дрожала, но не от страха — от адреналина и осознания того, что я прикоснулась к чему-то запредельному.

— Кто ты? — выдохнула я, и мой голос в мёртвой тишине библиотеки прозвучал жалко и тихо.

Существо не ответило сразу. Оно медленно наклонило свою львиную голову набок, изучая меня. Его глаза, два тлеющих угля, сузились, и в них не было ни злобы, ни голода. В них было... ожидание. Древнее, безмерное терпение.

А затем оно заговорило. Голос был не звуком, а скорее вибрацией, которая отдавалась у меня в костях. Он был похож на скрежет камня о камень и шелест опавших листьев одновременно.

— Я ждал тебя, — пророкотало оно. — Я — Хранитель. Страж этого места и рода, которому ты принадлежишь по праву крови. Я не желаю тебе зла, Ева.

Слова «ждал тебя» прозвучали не как угроза, а как констатация факта. Как вздох облегчения.

— Род... — прошептала я, чувствуя, как по спине бежит холодок. — Ты знаешь моё имя?

— Я знаю имена всех, в ком течёт кровь графа. Твоя кровь... она звала меня. Я почувствовал твоё возвращение. Ты — Дитя Крови. Наследница.

Мой мозг начал работать, сопоставляя факты. Что-то всплывало в памяти, словно старые, пыльные фотографии проявлялись в кювете с проявителем. А ведь действительно... С самого переезда сюда я чувствовала, что кто-то незримый был всегда рядом. Не злой, не враждебный. Просто... наблюдатель. Он всё это время был рядом и приглядывал.

— Мой сын... Мики... Он тоже видит тебя? — спросила я, не сводя глаз с тлеющих углей его глаз.

Хранитель издал звук, похожий на смешок, смешанный с урчанием огромного кота.

— Увы, пока нет, — ответил он. — Он слишком мал, его разум закрыт для истинного зрения. Но он чувствует меня. Бойтся, когда я прохожу рядом с его комнатой ночью. Чувствует холод.

Я задумалась, и новая, острая мысль пронзила меня. Как так? Якобы хранитель рода — и не смог меня защитить? Я чуть не погибла.

— Ты говоришь, ты хранитель рода, — произнесла я, и в моём голосе зазвучали обвинительные нотки. — Но ты не защитил меня.

Существо снова рассмеялось, и от этого звука с верхних полок посыпалась пыль.

— Ошибаешься, — пророкотал он. В его голосе не было обиды, только весёлая снисходительность. — Я смог дать тебе время. Время, чтобы тебя нашли и спасли. Ты не стала изучать особняк, когда пришла сюда. Ты жила на верхних этажах, как гостья. Ты не позвала меня. И это не моя вина.

Он медленно, с грацией, не свойственной его массивному телу, присел на корточки. Теперь его огромная голова была на одном уровне с моей. Я могла бы дотронуться до его гривы, если бы осмелилась.

*— Я — джин, — продолжил он, видя моё замешательство. — Но не тот, что у вас принято думать. Не раб лампы и не исполнитель трёх желаний. Я — дух места, связанный кровью с этим родом. Я — стены этого дома. Я — тень под лестницей. Я — скрип половицы в пустой комнате. Я — хранитель этого *особняка*. И я ждал тебя.*

Он рассказал мне, кто он таков. Слова были лишь оболочкой; истинный смысл передавался иначе — через образы, которые всплывали в моём сознании, стоило ему «посмотреть» на меня. Я видела не просто картинки, я чувствовала запах дыма от факелов и вкус пыли на губах.

Он показал мне (точнее, позволил увидеть) то, что случилось много веков назад. В критический момент, когда род стоял на грани уничтожения, один из моих далёких предков, отчаявшись, провёл ритуал. Не ради власти или богатства, а ради спасения. Он не просто призвал духа — он предложил ему сделку.

*Я всё слушала и смотрела. Это был не просто договор, написанный на бумаге кровью. Это был обет, вплетённый в саму ткань этого места, в камни фундамента и балки перекрытий. Предок не поработил его. Он *попросил* о защите. И дух согласился.*

— Так ты раб? — задумалась я, когда поток видений иссяк, оставив после себя лёгкую головную боль и привкус пепла во рту.

Ему это показалось смешным. Он запрокинул львиную голову и издал звук, похожий на рокот далёкого обвала.

— Нет. Не раб, — его голос эхом отразился от стен библиотеки. — Я не привязан к вам навечно. Это не рабство, Ева. Это... партнёрство. Вы даёте мне цель и дом, а я храню вашу кровь и эти стены. Пока стоит этот дом и течёт ваша кровь, я здесь. Но если род прервётся или дом падёт — я буду свободен.

Он наклонился ко мне, и я почувствовала волну тепла, исходящую от его огромного тела. Запах был странным — не звериным, а похожим на запах нагретого солнцем песка и старых специй.

— Я выбрал этот путь сам. Давно. И я не жалею.

Я смотрела в его огненные глаза и понимала: он говорит правду. В нём не было горечи узника. Была лишь вековая усталость и спокойная, несокрушимая мощь.

— Но почему ты не показывался мне раньше? — спросила я. — Почему ждал так долго?

Хранитель медленно поднялся во весь свой исполинский рост, и тени в библиотеке, казалось, расступились перед ним.

— Ты не была готова. Ты боялась этого дома. Ты не верила. А договор... он требует веры. Ты должна была позвать меня. Сама.

Я вспомнила свои блуждания по коридорам, чувство слезки... Он был там. Всегда.

— И Я позвала, — тихо сказала я.

— Да, — пророкотал он. — Теперь ты готова слушать. И теперь нам нужно многое обсудить.

Мы сидели до утра. Сон улетучился, как не бывало. Вокруг нас, в кольце света от моего фонаря, лежал мир, который я никогда не знала, — мир за обложками книг и по ту сторону реальности. Хранитель говорил, а я слушала, боясь пропустить хоть слово.

Он рассказывал мне о моём мире в новых красках. О том, что мир — это не то, что мы видим в новостях или на страницах глянцевого журнала. Он говорил о древних родах, живущих в тени небоскрёбов, о кланах ведьм, чьи корни уходят глубже, чем история любого государства. Он говорил о вампирах, которые не боятся солнечного света, а боятся лишь древнего серебра и огня, и об оборотнях, чья звериная натура — это не проклятие, а наследие.

Я не могла в это поверить. Мой разум, воспитанный на логике и скепсисе, бунтовал. Это было безумием. Галлюцинацией. Последствием травмы.

*Но у меня не оставалось выхода. Ведь передо мной сидел *джин*. Существо из мифов. Его львиная грива касалась пыльных корешков книг на верхней полке, а его огненные глаза смотрели прямо в мою душу. Отрицать реальность было бессмысленно.*

Я изредка задавала вопросы, и мой голос в этой мёртвой тишине библиотеки казался чужим и слабым.

— А они... они все знают обо мне? О моём наследии?

Хранитель медленно качнул массивной головой.

— Нет. Не все. Твоя кровь — особенная. Она древняя и... нестабильная. Ты — аномалия. Для них ты — загадка. И пока ты не проявишь свою силу открыто, ты для них невидимка.

— А что со мной случилось? На той дороге? — этот вопрос я задавала уже в сотый раз, надеясь, что в этот раз получу ответ.

Хранитель замолчал на долгую минуту. Его глаза потухли, став похожими на остывшие угли.

— То, что ты видела... это не из нашего мира. Это нечто более древнее и голодное. Оно не подчиняется законам ведьм или оборотней. Оно — ошибка мироздания. И оно почуяло твою кровь.

Я вздрогнула.

— Но почему оно не убило меня?

Хранитель посмотрел на меня с жалостью.

— Потому что ты ему для чего-то нужна. Живая. Оно коснулось тебя, оставило свой след... чтобы найти тебя снова.

Небо за окном библиотеки начало светлеть, сменяя чернильную синеву на грязно-серый рассвет. Я чувствовала себя так, будто моя жизнь разделилась на «до» этой ночи и «после». И «после» обещало быть очень долгим и очень опасным.

Он дал мне обещание, что чем сможет защитить, тем и поможет. Мне стало от этого чуть легче. Тяжёлый груз одиночества, который я несла с момента пробуждения в больнице, немного ослаб. Теперь я знала, что не одна. У меня был защитник. Древний и могущественный.

— А ты мог бы принять обличье человека? — ненароком спросила я. Мне вдруг стало любопытно. Как выглядит тот, кто веками хранит этот дом, когда не пугает незваных гостей своим первозданным видом?

Он лишь слабо улыбнулся. Это была странная, почти человеческая улыбка на нечеловеческом лице.

И тут же начал меняться.

Это не было похоже на киношные спецэффекты, где всё происходит со вспышками и спецэффектами. Это было... текуче. Его массивная фигура начала словно таять, сжиматься, терять шерсть и звериные черты. Львиная грива втянулась в череп, который тут же начал менять форму, становясь более гладким. Рога и бычьи ноги втянулись, трансформируясь в обычные человеческие конечности.

Через несколько секунд передо мной стоял мужчина.

Он был высок, выше меня на голову, и широкоплеч. Одет он был странно — не в современную одежду, а во что-то похожее на старинный восточный халат из тёмно-синего бархата, расшитый серебряными нитями. Его волосы были длинными, цвета воронова крыла, и спадали на плечи. Но самое главное — глаза. Они остались прежними. Два тлеющих угля на человеческом лице смотрели на меня с той же древней мудростью и спокойствием.

— Так... привычнее? — его голос теперь звучал чисто, без того каменного скрежета, но всё равно отдавал эхом, будто звучал не только в комнате, но и у меня в голове.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Ты... ты очень... — я запнулась, подбирая слово.

— Впечатляю? — закончил он за меня и тихо рассмеялся. Смех был глубоким и бархатистым.

— Да, — выдохнула я. — Именно.

Он сделал шаг ко мне, и я не отступила.

— Моё истинное обличье пугает. Но оно нужно для защиты от тех, кто сильнее людей. А для разговора с тобой... это более... удобно.

Я посмотрела в его огненные глаза и впервые за всю ночь почувствовала не страх или благоговение, а что-то похожее на зарождающееся доверие.

— Как мне тебя называть? У тебя есть имя?

Он на мгновение задумался, словно вспоминая что-то очень далёкое.

— Имена имеют силу, Ева. Но раз уж мы теперь партнёры... — он снова улыбнулся. — Зови меня Азраэль.

Я повторила имя про себя. Оно звучало как шелест песка в древних часах.

— Азраэль...

В этот момент первые лучи солнца коснулись витражного окна библиотеки, и я поняла, что мы проговорили всю ночь. Дом был тих. Мики спал. А у меня появился новый, очень странный друг.

— Меня будешь видеть только ты, — произнёс он, и его голос, даже в человеческом облики, прозвучал с той же нечеловеческой глубиной. — Пока сама не попросишь.

Я облегчённо вздохнула. Мне сейчас не очень хотелось бы объяснять домочадцам, кто он такой. Агата Петровна, при всей её невозмутимости, вряд ли бы спокойно отреагировала на появление в библиотеке незнакомца в бархатном халате. А Мики... ему пока рано было знать всю правду.

Тут нас прервал звонок. Кто-то приехал. Громкий, требовательный звук разлетелся по сонному дому, эхом отражаясь от стен. Я вздрогнула.

— Чёрт, я забыла! — испуганно произнесла я. — Луиза собиралась забрать Мики к себе на эти каникулы!

Я метнулась к двери, но тут же поняла, что не успею. Слуги внизу уже наверняка засуетились. Я не хотела, чтобы Луиза видела меня такой — растрёпанной, после бессонной ночи, с кругами под глазами. Я хотела встретить её как хозяйка, а не как пациентка, сбежавшая из палаты.

Джин загадочно улыбнулся. В его глазах плясали искры.
— Не волнуйся, Дитя Крови.

Он просто щёлкнул пальцами. Тихий, сухой звук, похожий на треск ломающейся ветки.

В ту же секунду мир вокруг меня смазался, превратился в размытое пятно из книжных корешков и пыльных штор. Воздух стал густым, как сироп, а затем резко расступился.

Я оказалась напротив двери. Не у входа в библиотеку, а у массивной входной двери особняка. Я стояла на верхней ступеньке крыльца, первее слуг, которые только-только начали выглядывать из своих комнат, разбуженные звонком.

Это было похоже на то, как если бы кто-то перемотал плёнку вперёд. Никаких головокружений или тошноты. Просто «был там», а теперь «стал здесь».

Я поправила волосы и глубоко вздохнула, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

Внизу, у ворот, нетерпеливо сигналила машина Луизы.
Пора было спускаться.

Я вышла как ни в чём не бывало, словно не провела всю ночь, гоняясь за тенями и разговаривая с древним джинном. Спустившись по ступеням, я вдохнула прохладный утренний воздух. Луиза вышла из машины.

— Доброе утро, солнце, — сказала она, и это простое приветствие прозвучало как самая лучшая музыка.

Я почувствовала, как напряжение, сковывавшее меня всю ночь, начало медленно отпустить.

— Привет, Лу, — ответила я, чувствуя, как губы сами растягиваются в ответной улыбке. — Ты с кофе? Ты просто спасительница.

Мы вошли в дом. Огромный холл встретил нас прохладой и запахом старого дерева. Я провела Луизу в малую гостиную, ту, что с камином и мягкими креслами, где так уютно пить чай дождливыми вечерами.

— Присаживайся. Я скажу Агате, чтобы принесла что-нибудь к кофе.

— Не суетись, Ева. Я не гостья, — Луиза плюхнулась в глубокое кресло и с наслаждением вытянула ноги. — Я просто забираю своего крестника на каникулы.

Мы болтали о пустяках, старательно обходя тему моего исчезновения и больницы. Это было то самое уютное молчание и разговоры ни о чём, которые могут быть только между очень близкими друзьями. Я смотрела на неё и чувствовала огромную благодарность за то, что она здесь, что она нормальная и настоящая.

Нашу идиллию прервал топот маленьких ног по лестнице.

— Мам! Тётя Лу! — в гостиную вихрем влетел Мики, уже в куртке и с рюкзаком, который был больше его самого. В руках он держал потрёпанного плюшевого зайца.

— Привет, чемпион! — Луиза подхватила его на руки. — Готов к великим приключениям?

— Ага! У Боба новая игрушка, он мне её покажет!

Я присела перед ним на корточки и поправила ему шапку.

— Слушайся тётю Лу, хорошо? И звони мне каждый вечер.

— Ладно, мам... — он крепко обнял меня за шею, прошептал на ухо: — Я буду скучать.

— Я тоже, родной.

Мы вышли проводить их до машины. Мики уже сидел на заднем сиденье и деловито пристёгивал ремень безопасности. Луиза села за руль и опустила окно.

— Береги себя, ладно? — её голос снова стал серьёзным.

— Ты тоже. И спасибо тебе.

Она улыбнулась и завела двигатель. Я стояла на крыльце, обхватив себя руками от утреннего холода, и махала им вслед, пока машина не скрылась за воротами.

Дом снова стал тихим. Пустым.

Я развернулась и пошла обратно к тёмным коридорам. К его тайнам.

Азраэль ждал меня внутри. И у нас было много дел.

Я прошла через холл, где Агата стояла в холле и за что-то отчитывала молодую служанку. Девушка стояла с опущенным лицом и виноватым видом, кивая в ответ на каждое резкое слово домоправительницы. Что-то в их разговоре было не так, какая-то наигранность или скрытое напряжение, но я была слишком погружена в свои мысли и не обратила на это внимания.

Пройдя в старую библиотеку, я удивилась. Теперь, после моего появления, тут было светло. Пыли как не бывало. Воздух был свежим, а не затхлым. А у камина, где ещё вчера был лишь холодный очаг, стояли уже два глубоких, удобных на вид кресла. В одном из них сидел Азраэль. Он был в своём человеческом облики, и сейчас, в свете пламени, его тёмный халат казался почти чёрным.

— Расскажи мне подробнее о вашем договоре, — потребовала я.

Сев в кресло напротив него, я поджала под себя ноги и приготовилась слушать.

— Начнём с первого договора, — вздохнул джин, и в его голосе послышалась вековая усталость. Он смотрел на огонь в камине, словно видел там живые картины прошлого. — Хотя это даже не договор, а точнее... сделка. Мне так же, за мои услуги, дали хорошую цену.

Он замолчал, давая мне время осмыслить его слова. Я подалась вперёд, боясь пропустить хоть слово.

— И что это была за цена? — тихо спросила я. — Что может быть ценно для такого, как ты?

Азраэль медленно повернул голову и посмотрел на меня. Его глаза, отражая пламя, казались двумя дырами в саму преисподнюю.

*— Свобода, — просто ответил он. — Не от оков лампы или кольца. Свобода от... скуки. От вечного ожидания в междумирье. Твой предок предложил мне не просто службу. Он предложил мне *смысл*. Быть не просто джинном, который исполняет прихоти смертных, а стать Стражем. Хранителем чего-то большего, чем один человек или одна семья. Он предложил мне дом.*

Он обвёл рукой библиотеку.

— Эти стены. Этот лес. Этот особняк. Это не просто здание. Это якорь. Моё место в этом мире. И пока стоит этот дом, я не просто существую. Я живу.

Я молчала, переваривая услышанное. Это меняло всё. Он не был рабом. Он был добровольным узником этого места, и его тюрьма была ему дороже свободы.

— Но сделка... она ведь была разовой? — предположила я. — Ты помог ему в беде, он дал тебе дом. На этом всё?

Азраэль усмехнулся, и от этого звука пламя в камине колыхнулось.

— О нет, Дитя Крови. Если бы всё было так просто. Первый договор был лишь семенем. Он дал мне форму и место. Но чтобы эта форма жила, чтобы дом стоял нерушимо, чтобы род не угас... нужно было нечто большее. Нужен был постоянный источник силы.

Он снова посмотрел на меня, и его взгляд стал тяжёлым.

— И этим источником стала ваша кровь. Так родился второй договор. Тот, что связал меня с твоим родом навечно.

Я была в шоке. Его слова били наотмашь, выбивая воздух из лёгких.

— Но... — замялся джин, и впервые за всё время я увидела в его огненных глазах тень неуверенности. Он подбирал слова, словно боялся меня напугать. — Твой род, прямой по крови, прервался. Граф, твой предшественник, был последним. А теперь появилась ты. Ты имеешь связь с этим родом, но... другая.

Я вцепилась в подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев.

— Что значит «другая»? Я его внучатая племянница или какая-то там седьмая вода на киселе! Я что, не наследница? Ты же сам сказал...

*— Ты — наследница, — перебил меня Азраэль, и его голос снова обрёл свою стальную твёрдость. — Не по бумагам и не по прямой линии родства. Ты наследница по *крови*. В тебе течёт та же сила, что и в нём. Та же искра. Но она... иная. Она не пробуждённая. Она дикая.*

Он встал с кресла одним плавным, нечеловеческим движением и подошёл к камину. Пламя, казалось, тянулось к нему.

— Представь себе реку. Род твоего деда был широким, полноводным руслом. Сила текла по нему предсказуемо. Я знал, как её направлять, как защищать берега. А ты... ты — подземный источник. Ты бьёшь из-под земли там, где русло давно пересохло. Твоя сила не течёт, она взрывается.

Он повернулся ко мне, и в его взгляде было что-то похожее на сочувствие.

— Именно поэтому ты выжила там, на дороге. Твой инстинкт самосохранения сработал как предохранитель. Твоя память заблокировала то, что могло тебя убить. Твоя кровь защитила тебя сама, без моего зова.

Я почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Значит... ты не мог меня защитить? Потому что я... другая?

Азраэль покачал головой.

*— Я не мог вмешаться напрямую. Договор связывает меня с домом и с *кровью рода*. Ты была вне дома. И твоя кровь ещё спала. Но я смог дать тебе время. Я шептал*

ветру, чтобы он донёс твой запах до проезжающих мимо. Я путал следы тьмы, чтобы она не нашла тебя сразу. Я сделал всё, что мог, не нарушая клятвы.

Он вернулся в кресло и наклонился ко мне, упираясь локтями в колени.

— Но теперь всё изменилось. Теперь ты здесь. В доме. И твоя кровь начинает просыпаться. Я чувствую это. И я научу тебя управлять ею. Потому что если ты этого не сделаешь... она убьёт тебя. Или того хуже — она призовет то, что пришло за тобой на той дороге, прямо в наш дом.

Глава 3. Обучение

Азраэль начал меня учить. Это не было похоже на лекции в университете. Здесь не было конспектов и экзаменов. Это было скорее... пробуждение. Как будто он не учил меня чему-то новому, а счищал ржавчину с механизма, который спал во мне веками.

*— Для начала давай проверим, можешь ли ты видеть *Иных*, — сказал он. Его голос был спокоен, как вода в глубоком колодце. — *Иные* — это люди, кто имеет способности.*

Я фыркнула, чувствуя себя глупо. Мы сидели в библиотеке, залитой утренним солнцем, и он говорил о вещах, которые не укладывались в моей голове.

— Стой, но ведь я не имею ничего, — сказала я, разводя руками. — Я обычный человек. Ну, была. До всей этой истории с наследством.

Азраэль лишь улыбнулся, но по-доброму, без тени насмешки. В его глазах плясали искры.

— Ты думаешь, что видишь мир таким, какой он есть? — спросил он. — Ты видишь дерево и видишь зелёные листья. Но ты не видишь духа, который живёт в этом дереве уже триста лет. Ты видишь Агату Петровну, которая несёт тебе чай. Но ты не видишь ауру силы, которая окружает её, как невидимый доспех.

Он встал и подошёл к окну.

— Твоё зрение — это просто привычка. Мозг фильтрует 99% информации, чтобы ты не сошла с ума от обилия красок и сущностей. Я научу тебя снимать этот фильтр.

Он щёлкнул пальцами, и в воздухе передо мной повисла маленькая, светящаяся точка, похожая на светлячка.

*— Смотри на неё. Не глазами. Смотри *сквозь* неё. Попробуй увидеть не свет, а то, что этот свет *скрывает*.*

Я уставилась на точку. Это было глупо. Это было бессмысленно. Я смотрела на неё минуту, две... и уже хотела сдать, как вдруг... что-то изменилось.

Светлячок не исчез. Но вокруг него, словно на старой выцветшей фотографии, начал проступать другой контур. Он был похож на человека, сотканного из дыма и тумана. У него не было лица, только два тусклых огонька там, где должны были быть глаза.

Я отшатнулась, вскрикнув.

— Что это?!

Азраэль снова улыбнулся.

— Это домовый. Хранитель этого дома на более... приземлённом уровне, чем я. Он следит за трубами и крышей.

Дымчатая фигура «посмотрела» на меня своими тусклыми глазами и, кажется, кивнула. А затем просто растворилась в воздухе.

Я перевела ошарашенный взгляд на Азраэля.

— Я.. я его видела!

*— Конечно, видела, — кивнул джин. — Твоя кровь помнит. Теперь мы знаем, что ты не слепа. Осталось научиться *смотреть*.*

— Покажи и научи ещё! — воскликнула я, чувствуя, как по венам разливается пьянящая смесь восторга и страха. Мир вдруг оказался намного больше, чем я думала, и я хотела увидеть все его грани.

Азраэль ничего не ответил. Он лишь загадочно улыбнулся, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Затем он щёлкнул пальцами.

Это был не просто звук. Это был удар грома, но только для меня. Воздух сгустился, стал вязким, как смола, а затем резко расступился.

Мы оказались в каком-то лесу.

В нос тут же ударил запах прелой листвы, влажной земли и хвои. Прохладный, сырой воздух был совсем не похож на кондиционированную атмосферу особняка. Я стояла на узкой тропинке, со всех сторон окружённая вековыми соснами, чьи кроны терялись в серой дымке.

— Где мы? — прошептала я, оглядываясь по сторонам.

— В кармане реальности, — спокойно ответил Азраэль, стоявший рядом со мной. — Это место существует между «здесь» и «там». Здесь нас никто не потревожит. И здесь магия течёт свободнее.

Он сделал шаг вперёд и повернулся ко мне. Его тёмный халат странно контрастировал с диким лесным пейзажем.

— Пока давай лучше с животных, — сказал он, и его голос прозвучал мягко, как шорох листвы. — Они проще. Чище. У них нет той сложной паутины мыслей и лжи, что у людей. Их суть видна сразу.

Я кивнула, чувствуя, как сердце начинает биться чаще от предвкушения.

— И что мне делать?

*— Просто смотри. И слушай. Не ушами. Слушай тишину между звуками. Смотри не на форму, а на то, что *внутри* неё.*

Он указал рукой куда-то в чащу.

— Вон там. У корней старого дуба. Смотри.

*Я прищурилась, глядя в указанном направлении. Сначала я видела только узловатые корни и опающую листву. А потом... потом я увидела *её*.*

*Это была лиса. Но я видела не просто рыжий мех и пушистый хвост. Я видела её *суть*. Она была соткана из живого, трепещущего пламени. Каждый её вздох был искрой, а глаза горели двумя маленькими кострами. Она была воплощением хитрости, грации и дикого, первобытного голода.*

Я смотрела на неё, затаив дыхание.

— Я вижу... — выдохнула я.

— Хорошо, — кивнул Азраэль. — А теперь... попробуй *почувствовать* её. Не прикасаясь. Просто протяни к ней свой разум. Как будто ты пытаешься коснуться её мысли своим пальцем.

Я закрыла глаза и сделала так, как он сказал. Я потянулась к огненной лисе... и почувствовала ответное касание. Это было похоже на тёплый ветерок, который щекочет кожу. В моей голове пронеслись не слова, а образы: вкус холодной родниковой воды, запах мыши в норе, ощущение мягкой земли под лапами.

Я резко открыла глаза.

Лиса смотрела прямо на меня. А потом она грациозно развернулась и исчезла в чаще.

Я повернулась к Азраэлю с широко раскрытыми глазами.

— Это... это было невероятно!

Джин улыбнулся, и в этой улыбке было что-то похожее на гордость учителя за своего лучшего ученика.

— Это только начало, Ева. Только начало.

Мы попробовали так же и на других обитателях леса. С каждым разом у меня выходило лучше и легче. Я научилась отличать мягкое, тёплое свечение белки — комка беспокойной энергии — от холодной, хищной ауры волка, что промелькнул на границе поляны. Это было похоже на игру, на освоение нового, невероятного чувства. Я чувствовала себя ребёнком, который только учится ходить, и каждый успех вызывал у меня восторг.

А потом, одним щелчком, Азраил перенёс меня на кладбище.

Воздух тут же изменился. Он стал холодным, тяжёлым и неподвижным. Запах хвои и сырой земли сменился запахом старого камня, влажной глины и увядших цветов. Вокруг меня, насколько хватало глаз, тянулись ряды покосившихся крестов, гранитных плит и склепов, увитых сухим плющом. Тишина здесь была не умиротворяющей, а давящей, полной отголосков забытой скорби.

— Теперь поработаем тут, — раздался голос Азраэля. Он стоял рядом, невозмутимый, словно мы находились на прогулке в парке.

— Волки, белки и жучки — это живое, — сказал он, обводя рукой мрачное место. — Их души — это пламя. Они горят ярко, пока живут, и угасают, когда умирают. Но здесь... здесь всё иначе. Тут будет немного посложнее.

Я поёжилась, обхватив себя руками.

— Что именно мы будем делать? Разговаривать с призраками?

Азраэль усмехнулся.

— Не совсем. Смотри.

Он указал на старую могилу неподалёку. Памятник был покрыт трещинами, а имя усопшего стёрлось от времени.

— *Сосредоточься. Но не пытайся найти «пламя». Его здесь нет. Ищи... пустоту. Тень. След.*

Я закрыла глаза и попыталась настроиться так же, как в лесу. Я потянулась к могиле... и ничего не почувствовала. Ни тепла, ни холода. Пустота.

— *Не так, — мягко поправил меня джин. — Ты ищешь жизнь там, где её нет. Ищи *память*. Остаток того, что когда-то горело.*

Я попробовала снова. Я перестала искать «что-то» и просто позволила себе быть открытой. И тогда я почувствовала. Это было не касание и не образ. Это было скорее... эхо. Очень слабое, почти неслышимое. Словно кто-то очень-очень далеко вздохнул во сне.

В моей голове не возникло картинок или слов. Только одно чувство: безграничная усталость и покой. Глубокий, вечный сон без сновидений.

Я открыла глаза.

— *Это... просто покой? — прошептала я.*

Азраэль кивнул.

— *Да. Большинство души уходит. Они не остаются тут. То, что ты чувствуешь — это не призрак. Это просто след в ткани мира. Память камня о том тепле, что он когда-то хранил.*

Он сделал паузу и посмотрел на меня более серьёзно.

— *Но иногда... иногда здесь бывают и другие гости. Не память, а сама душа. Забытая, потерянная или очень злая. И вот с ними нужно быть предельно осторожной. Они не горят. Они *жрут* тепло живых.*

По моей спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с прохладой ночного воздуха.

— *Ты хочешь сказать... здесь есть кто-то ещё?*

Азраэль медленно повернул голову и посмотрел в темноту между двумя старыми склепами.

— *Всегда есть кто-то ещё, Ева. Вопрос лишь в том, кто кого заметит первым.*

Я взглядела в темноту между склепами, куда указывал Азраэль. Моё новое, обострённое зрение выхватывало из мрака детали, недоступные обычному глазу. И я увидела.

Оно не было похоже на огонёк живого. В тех, даже в хищнике-волке, чувствовалась пульсация, биение сердца, дикий, но чистый жар. Это же... это было совсем другое.

*Оно имело смутные, искажённые очертания человеческого силуэта, но будто сотканного из густого, клубящегося тумана. И этот туман не был серым или чёрным. Он **полыхал синеватым, мертвенным светом**. Холодным светом. Это было не пламя, а скорее свечение гнилушки на болоте — зловещее и притягательное одновременно. Оно не двигалось, а перетекало с места на место, словно ртуть.*

И тут оно резко повернулось ко мне.

*Движение было неестественно быстрым, ломаным, как на старой кинолентке. Синие «дымные» руки дёрнулись, и вся фигура развернулась в нашу сторону. У существа не было лица в привычном понимании, только сгусток тьмы. Но там, где должны были быть глаза... была **чёрная пустота**. Не просто отсутствие света, а абсолютный, всепоглощающий мрак, который, казалось, засасывал в себя даже синеватое свечение вокруг.*

Я почувствовала, как ледяная игла ужаса пронзила меня насквозь. Это был не страх перед зверем. Это был первобытный, животный ужас перед чем-то настолько чуждым, что мой разум отказывался это воспринимать.

*Существо «посмотрело» на меня. Я физически ощутила этот взгляд — он был как прикосновение ледяных червей к моему мозгу. В нём не было ни злобы, ни любопытства. В нём был ****голод****.*

— Азраэль... — прошептала я, не в силах отвести взгляд от чёрных провалов.

Джин мгновенно встал передо мной, закрывая меня своей спиной. Его фигура, казалось, стала выше и шире.

— Не смотри ему в глаза! — его голос прогремел, как раскат грома, хотя он не повышал тона.

В ту же секунду существо издало звук. Это не был крик или вой. Это был звук рвущейся ткани мироздания — скрежет металла по стеклу, смешанный с визгом тысячи летучих мышей. А затем оно метнулось к нам.

Оно не бежало. Оно просто оказалось ближе. Переместилось в пространстве рывком.

Азраэль выбросил руку вперёд. Воздух между нами и тварью сгустился, превращаясь в невидимую стену. Существо с размаху ударилось об эту преграду. По воздуху пошли круги, как по воде. Существо зашипело, и от этого звука у меня заныли зубы.

— Уходим! — рявкнул Азраэль и схватил меня за руку.

Мир снова смазлся в серую полосу, и через мгновение мы уже стояли в библиотеке. Я тяжело дышала, словно пробежала марафон. Сердце колотилось где-то в горле.

— Что... что это было? — выдавила я из себя.

Азраэль отпустил мою руку и подошёл к камину. Его лицо было мрачнее тучи.

*— Это то, о чём я говорил. Не память. Не покой. Голодная душа. И она тебя ****почувяла****.*

— Это... страшиновато. Но очень интересно, — выдохнула я, чувствуя, как адреналин всё ещё бурлит в крови после встречи с тварью на кладбище. Сердце колотилось, но это был не только страх. Это был азарт. Я прикоснулась к чему-то настоящему, древнему и пугающему.

Азраэль, наблюдавший за мной, улыбнулся. В его улыбке читалось одобрение.

— Я создам ещё одно пространство. Ты готова? — спросил он.

— Конечно! — воскликнула я, даже не задумываясь. Любопытство пересилило остатки страха.

— Тебе нужно попробовать теперь и на людях. - Азраэль кивнул, и в его глазах зажгётся знакомый огонёк. Он щёлкнул пальцами.

Мир снова смазлся, на мгновение превратившись в размытое пятно, и мы оказались в совершенно другом месте.

Это была городская площадь. Не бутафорская, а самая настоящая. Я слышала гул голосов, шум проезжающих машин, чувствовала запах выхлопных газов и свежей выпечки из ближайшей пекарни. Мы стояли на тротуаре, и мимо нас текла толпа людей — кто-то спешил на работу, кто-то гулял с собакой, кто-то просто сидел на скамейке, уткнувшись в телефон.

— *Смотри,* — тихо сказал Азраэль, кивая на прохожих. — *Здесь будет сложнее всего. Люди умеют носить маски не только в переносном смысле.*

Я сосредоточилась, пытаюсь применить тот же навык, что и в лесу. Я посмотрела на женщину, которая быстро шла мимо, разговаривая по телефону. Сначала я видела только её — обычное пальто, сумка через плечо...

*А потом я увидела *её*.*

Вокруг неё не было пламени, как у животных. Её аура была сложной, многослойной. Основной цвет был спокойным, серо-голубым, но по нему пробежали яркие всполохи — оранжевые искры раздражения (видимо, телефонный разговор был неприятным), и тонкие, едва заметные зелёные нити — цвет тоски или ностальгии.

Я перевела взгляд на старика, сидящего на скамейке и кормящего голубей. Его аура была тусклой, пастельной, но удивительно ровной и чистой. В ней преобладали мягкие бежевые и золотистые тона — мудрость и покой.

— *Я вижу...* — прошептала я. — *Они все такие... разные.*

— *Именно,* — кивнул Азраэль. — *Животные просты. Их суть — инстинкт: голод, страх, защита потомства. А у людей... у них есть мысли. Ложь. Сомнения. Любовь. Ненависть. Их аура — это отражение их души во всей её сложности.*

Он указал на молодого парня, который шёл, опустив голову и засунув руки в карманы.

— *Попробуй заглянуть глубже. Не просто увидеть цвет, а *почувствовать* его суть.*

Я сосредоточилась на парне. Его аура была тёмной, почти чёрной по краям, но в центре горел маленький, упрямый огонёк надежды.

*Я потянулась к нему своим новым чувством... и меня захлестнуло. Это было не просто видение, это были *эмоции*. Одиночество такое глубокое, что оно ощущалось как физическая боль. Усталость от жизни. И где-то глубоко внутри — отчаянное желание быть замеченным.*

Я резко выдохнула и открыла глаза.

— *Это... это было так... лично,* — сказала я, глядя на Азраэля. — *Как будто я заглянула ему в самую душу.*

— *Так и есть, Ева,* — серьёзно ответил джин. — *И именно поэтому с этим нужно быть очень осторожной. Видеть истинную суть человека — это огромная ответственность. И огромная сила.*

— *Но тебе нужно понять, кто человек, а кто — *Иной*,* — голос Азраэля стал серьёзным, в нём пропали мягкие нотки. Он внимательно смотрел на меня, словно оценивая, готова ли я к следующему шагу. — *Не все, кого ты видишь, являются тем, кем кажутся. В толпе они ходят бок о бок. Они маскируются. Их аура может быть похожа на человеческую, но в ней всегда есть... изъян. Нечто чуждое.*

Я кивнула, чувствуя, как азарт сменяется напряжением. Это уже была не просто игра. Это было сродни поиску шпиона в толпе.

— *Как? Как мне их отличить?*

— *Смотри не на эмоции, — сказал он, указывая на прохожих. — Эмоции могут быть настоящими. Смотри на *структуру*. Человеческая аура — она живая. Она дышит, пульсирует в такт сердцу. Она похожа на пламя свечи или поток воды. А у *Иных*... она статична. Как рисунок на стекле. Или как кристалл.*

Он щёлкнул пальцами, и мир вокруг нас замер. Люди на площади застыли, словно мухи в янтаре. Парень с опущенной головой замер с поднятой ногой, женщина с телефоном — с открытым ртом

— *Смотри, — Азраэль подошёл к парню, за которого я «цеплялась» минуту назад.*

Я снова посмотрела на него, используя своё новое зрение. И я увидела. Его аура действительно была сложной и тёмной, но теперь я заметила то, о чём говорил джсин. Она пульсировала! Она была живой! В ней чувствовалось биение сердца.

Азраэль перешёл к женщине с телефоном.

— *А теперь на неё.*

Я переключила внимание. Её аура была яркой, но... она была слишком идеальной. Слишком ровной. Как будто кто-то взял кисть и аккуратно нанёс слой краски на холст. В ней не было той естественной дрожи, той хаотичной красоты живого огня.

— *Она... она не человек? — прошептала я.*

— *Верно, — Азраэль щёлкнул пальцами ещё раз, и мир снова пришёл в движение. Люди пошли своей дорогой, шум вернулся. — Она — суккуб. Питается чужими эмоциями, в основном негативными. Отсюда и её идеальный контроль над аурой. Она не хочет, чтобы кто-то заметил подделку.*

Он повернулся ко мне.

— *Твоя задача — научиться видеть эту подделку мгновенно. В реальном времени. Потому что когда ты встретишь настоящего врага, у тебя не будет возможности щёлкнуть пальцами и поставить мир на паузу.*

Я глотнула, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— *Я... я попробую.*

— *Я знаю, что попробуешь, — он улыбнулся уголком губ. — А теперь давай усложним задачу.*

Он снова щёлкнул пальцами, и площадь начала меняться, растворяясь в знакомом сером тумане перехода. Мы собирались куда-то ещё.

— *Куда теперь? — спросила я с замиранием сердца.*

— *В место, где их будет много, — ответил он, и его глаза сверкнули опасным огнём. — На рынок душегубов.*

Мир снова смазлся, превращаясь в калейдоскоп серых и чёрных пятен, а затем резко обрёл чёткость.

Мы стояли в огромном, гулком помещении, похожем на старый вокзал или ангар. Воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахами дешёвого кофе, сырости, металла и чего-то неуловимо сладковатого и гнилостного. Вместо асфальта под ногами был грязный бетон, испещрённый трещинами. Сквозь высокие, закопчённые окна с разбитыми стёклами пробивался тусклый серый свет.

Вокруг кипела жизнь. Но это была не обычная городская суета. Это был рынок.

*За грубо сколоченными деревянными прилавками и просто на расстеленных на полу тряпках сидели и стояли... они. *Иные*. Здесь были все: от существ, лишь слегка отличающихся от людей, до тварей, при виде которых желудок подкатывал к горлу. Суккуб, которую мы видели на площади, здесь выглядела бы как скромная монашка.*

Вот тролль с кожей, похожей на потрескавшуюся кору старого дуба, торговал какими-то светящимися камнями. Рядом с ним ведьма с кожей цвета индиго перебирала связки сушёных трав, от которых исходил едва заметный зеленоватый дымок. В дальнем углу я заметила существо, похожее на помесь змеи и человека, оно шипело что-то покупателю, показывая ряды острых, как иглы, зубов.

— Добро пожаловать на рынок душегубов, — тихо произнёс Азраэль, его голос был спокоен, но я чувствовала, как он подобрался, словно хищник перед прыжком. — Здесь торгуют всем: от запрещённых артефактов до краденых воспоминаний и душ. Это нейтральная территория. Пока мы просто смотрим, нас не тронут.

Я цепилась в его рукав. Моё сердце колотилось где-то в горле.

— Я... я не уверена, что готова...

— Именно поэтому мы здесь, — отрезал он, не глядя на меня. Его взгляд сканировал толпу. — Чтобы учиться. Смотри. Не на лица. На ауры.

Я заставила себя дышать ровнее и сфокусировалась. Это было похоже на попытку слушать один инструмент в оглушающем оркестре.

*Я выбрала ближайшего торговца — худого мужчину в потрёпанном плаще. Его аура была... странной. Она не пульсировала, как у человека. Она *мерцала*, словно неисправная лампочка. Внутри этого мерцания я увидела что-то ещё — тёмные, маслянистые прожилки, похожие на чернила, расплзающиеся по воде.*

— Вижу... что-то тёмное внутри, — прошептала я.

— Он — носферату, — пояснил Азраэль. — Низший вампир. Питается не кровью напрямую, а жизненной энергией через прикосновение. Эти «чернила» — следы его... трапез.

Я перевела взгляд на ведьму с синей кожей. Её аура была плотной, как кокон, и имела тот же оттенок индиго. Но по краям кокона вились тонкие, живые усики, которые постоянно тянулись к прохожим, словно пробуя воздух на вкус.

— А она...

— ...ищет клиента для проклятия. Её «усики» — это щупы силы. Если она коснётся кого-то с сильной негативной эмоцией — гнева или отчаяния, — она сможет «прицепить» к нему своё заклятие.

Внезапно Азраэль напрягся и резко задвинул меня себе за спину.

— У нас гости.

К нам неспешной походкой шёл высокий мужчина в безупречном сером костюме. Он выглядел бы как успешный бизнесмен, если бы не его глаза — абсолютно белые, без зрачков и радужки. И его аура... она была идеальной. Слишком идеальной. Она была похожа на отполированный до блеска чёрный мрамор. В ней не было ни единого изъяна, ни единой эмоции. Это была аура существа, которое полностью контролирует себя и всё вокруг.

Он остановился в двух шагах от нас и растянул губы в холодной улыбке.

— Азраэль. Давно не виделись. А это, должно быть, новое Дитя Крови? Очаровательна.

Его голос был бархатистым и приятным, но от него веяло могильным холодом.

Азраэль не улыбнулся в ответ.

— Мы здесь только чтобы посмотреть, Морок. Не для сделок.

Существо по имени Морок перевело свои белые глаза на меня. Я почувствовала себя так, будто меня препарируют взглядом.

— У неё есть потенциал. Я мог бы сделать ей предложение... от которого трудно отказаться.

— Она не продаётся, — голос Азраэля стал низким и угрожающим. Морок рассмеялся, и этот смех был похож на звук разбитого стекла.

— Как скажешь, Страж. Как скажешь.

Он кивнул нам и растворился в толпе так же бесшумно, как и появился.

Азраэль тут же схватил меня за руку.

— Уходим. Сейчас же.

Он щёлкнул пальцами, и мир снова превратился в серое ничто. Через мгновение мы стояли в библиотеке особняка. Я тяжело дышала, прислонившись к книжному шкафу. Руки у меня дрожали.

— Кто... кто это был? — спросила я.

Азраэль смотрел в пустоту перед собой, его лицо было мрачнее тучи.

— Это был Морок. Он — коллекционер. Собирает редкие души и способности. И он только что положил глаз на тебя.

— Не нанесёт ли он мне вреда? — спросила я, и мой голос дрогнул. Образ существа с белыми глазами стоял передо мной, как наяву.

*— Нет, если ты никакой с ним сделки не заключишь, — ответил джин. Его голос был ровным, но я заметила, как сжались его челюсти. — Имя *Морока* — это и есть его главная сделка. Он не может действовать напрямую, пока ты не дашь ему своё имя или не согласишься на его условия. Но он будет искушать. Он будет ждать твоей слабости.*

Я сглотнула, чувствуя, как ледяной ком страха подступает к горлу.

— Но как мне...?

Азраэль оборвал меня, подняв руку. Его взгляд стал сосредоточенным, учительским.

*— Давай проверим кое-что ещё. Не бойся ничего. Ты должна научиться *чувствовать* и не видя. Твоё зрение — это костыль. Твоя кровь должна научиться говорить с миром напрямую.*

Он шагнул ближе, и я ощутила волну тепла, исходящую от него.

— Закрой глаза. Забудь о том, что ты видишь глазами. Забудь о библиотеке, о доме. Есть только ты и то, что вокруг.

Я глубоко вздохнула и закрыла глаза. Вокруг была темнота.

— Что ты чувствуешь? — его голос звучал словно отовсюду.

— Тишину... — прошептала я. — И тебя. Я чувствую твоё тепло.

*— Хорошо. Это якорь. Держись за него. Теперь отпусти его. Расширь своё сознание. Почувствуй стены дома. Они старые, они помнят многое. Почувствуй сквозняк под дверью. Почувствуй... *своё* сердце.*

Я сосредоточилась на биении своего сердца. Тук... тук... тук... Это был мой ритм, мой центр.

И вдруг я почувствовала его. Азраэля. Не как источник тепла, а как... присутствие. Огромное, спокойное, древнее, словно сама гора, на которой стоял дом. Я почувствовала дом — не как здание, а как живой организм, дышащий в унисон со мной.

А затем Азраэль щёлкнул пальцами.

И всё резко померкло.

Это была не просто темнота закрытых глаз. Это была абсолютная, всепоглощающая пустота. Ни звуков, ни ощущений тела, ни биения сердца. Я перестала чувствовать даже присутствие Азраэля. Я была одна в великом ничто.

Паника ледяной волной начала подниматься изнутри.

— Азраэль? — мой голос прозвучал глухо, словно я говорила в подушку.

Ответа не было.

Я была одна в темноте.

И в этой темноте я услышала шёпот. Он был тихим, но ясным, словно кто-то шептал мне прямо в ухо.

«Ты боишься темноты, Ева?»

Я резко обернулась, хотя понятия не имела, где «перед», а где «зад».

— Кто здесь?

«Темнота — это просто отсутствие света. А пустота... пустота — это отсутствие лжи».

Шёпот изменился. Теперь он был похож на голос Азраэля, но лишённый всех эмоций, холодный и механический.

«Смотри».

И в этой абсолютной пустоте, прямо передо мной, из ничего соткалась фигура. Это был Азраэль. Его человеческое обличие было идеальным, но его глаза были двумя провалами в черноту.

Он протянул ко мне руку.

— Ты должна научиться видеть без глаз, Ева. Смотри! — пророкотал он, и его голос эхом разнёсся по пустоте.

Я должна была испугаться сильнее. Но вместо этого странное спокойствие овладело мной. Это был урок. Испытание.

Я сделала шаг вперёд, к нему, в эту черноту. И протянула руку навстречу его руке в ответ.

Я сделала шаг вперёд, в эту черноту, и протянула руку. В тот же миг, как мои пальцы коснулись его, иллюзия рухнула.

*Мир не просто вернулся — он **взорвался**.*

Это была уже не библиотека. Мы стояли посреди бушующего океана. Вокруг нас вздымались волны размером с многоэтажные дома, готовые обрушиться и раздавить нас своей массой. Небо было неестественно фиолетовым, рассечённым молниями, которые не гасли, а висели в воздухе, как трещины в стекле. Воздух был ледяным и пах озонном и солью.

— Что это?! — закричала я, пытаюсь перекрыть рёв ветра.

— Твой страх! — голос Азраэля был рядом, но я его не видела. Его присутствие ощущалось как скала посреди шторма. — Он материален! Ты создала этот мир! Смотри глубже!

Я закрыла глаза, хотя это было бессмысленно — мир и так был тьмой и хаосом. Я перестала слушать рёв волн и крики ветра. Я потянулась внутрь себя, к тому маленькому огоньку, который я чувствовала раньше.

*И я нашла его. Но теперь он не был просто огоньком. Это был **столб белого пламени**, заключённый в клетку из чёрного льда. Лёд был моим страхом, моим сомнением, моей памятью о беспомощности на той дороге. А пламя... это была моя суть.*

Я цепилась в этот лёд. Он был обжигающе холодным, он пытался заморозить мои мысли, заставить меня отступить. Но я вспомнила кладбище. Вспомнила тварь с синими глазами. Вспомнила Морока. Они были реальны. И они были угрозой.

«Я не жертва», — прошептала я про себя.

И надавила на лёд.

Раздался звук, похожий на треск тысячелетнего ледника. Чёрные осколки разлетелись во все стороны, исчезая в бушующем океане.

Белое пламя вырвалось наружу.

Оно не сожгло меня. Оно потекло по моим венам, наполняя меня теплом и силой. Я открыла глаза.

Волна, которая нависла над нами, готовая раздавить, застыла в воздухе. Вся вселенная замерла. Молнии повисли в небе неподвижными зигзагами.

*Я подняла руку. Неосознанно, инстинктивно. И волна... **откатилась**. Она с грохотом рухнула назад в океан, подчиняясь моему жесту.*

Шторм начал стихать. Волны становились меньше, ветер утихал, молнии гасли одна за другой.

Через минуту мы снова стояли в библиотеке. Азраэль смотрел на меня с нескрываемым восторгом и гордостью.

Я тяжело дышала, глядя на свои руки. Они слегка светились мягким белым светом, который медленно угасал.

— Я... я сделала это, — прошептала я.

— Ты не просто сделала это, Ева, — Азраэль подошёл ко мне. — Ты только что показала Мороку и всему остальному миру, что ты не просто Дитя Крови. Ты — стихия. И теперь игра становится по-настоящему опасной.

На всех этих эмоциях — страхе, восторге, ощущении собственной мощи — моё тело начало гореть. Это не было больно. Это было похоже на то, как если бы внутри меня проснулся вулкан, и его лава текла по венам вместо крови. Кожа пылала, но не обугливалась, а словно светилась изнутри.

Я в ужасе посмотрела на свои ладони. И в ту же секунду в них вспыхнул огонь.

*Это был не костёр и не сгусток пламени. Это был **чистый, белый огонь**, похожий на тот, что я видела в своём видении. Он плясал на моих ладонях, не обжигая, а лишь согревая сухим, живым теплом. Я могла смотреть сквозь него, видеть, как изгибаются и танцуют языки пламени, подчиняясь не ветру, а биению моего сердца.*

Я вскрикнула и инстинктивно попыталась стряхнуть его, но Азраэль остановил меня.

— Нет! Не бойся! — его голос был твёрдым, но в нём звенели нотки ликования. — Это ты! Это твоя суть!

Я замерла, боясь пошевелиться. Я держала в руках маленькое солнце.

Азраэль подошёл ближе, его глаза сияли ярче обычного. Он не выглядел испуганным или встревоженным. Он выглядел так, словно художник увидел, что его лучший ученик только что создал шедевр.

*— Видишь? — сказал он, и его улыбка стала шире. — Твоя кровь не просто «другая». Она — **первородная**. Это не магия, которую учат по книгам. Это сама суть огня*

и жизни. Твой предок... он не просто заключил со мной сделку. Он был таким же. Ты унаследовала его дар.

Я медленно сжала пальцы в кулак. Пламя не погасло, оно просто впиталось обратно в мою кожу, оставив после себя лишь лёгкое покалывание и запах озона

Я подняла взгляд на Азраэля.

— Что... что это было?

— Твоё пробуждение, — просто ответил он. — Теперь ты не просто видишь мир иначе. Теперь ты можешь его менять. И нам нужно научиться это контролировать. Потому что Морок видел твой свет. И теперь он знает, какой силой ты обладаешь.

*За две недели я многому научилась от джина. Время слилось в один бесконечный, изматывающий марафон. Дни и ночи смешались в калейдоскоп из тренировок, боли и невероятных открытий. Я научилась видеть — не просто смотреть, а проникать взглядом за завесу реальности, различая ауры живых и мёртвых, людей и *Иных*. Я научилась вызывать пламя — не просто зажигать спички, а управлять живым, первородным огнём, который был частью моей крови. Он слушался меня, как верный пёс, готовый по одному мысленному приказу вспыхнуть стеной или свернуться тёплым комочком на ладони.*

Азраэль был безжалостным, но справедливым учителем. Он не давал мне спуска, заставляя повторять одно и то же упражнение сотни раз, пока оно не доходило до автоматизма. Двигать предметы оказалось сложнее всего. Это требовало не силы, а концентрации, почти медитативного состояния. Сначала я могла лишь слегка покачать стакан на столе. К концу второй недели я уже могла поднять в воздух книгу и заставить её зависнуть в нескольких сантиметрах от пола, а затем аккуратно положить на место.

Я чувствовала, как меняется. Не только внешне, хотя усталость и недосып оставили следы на моём лице. Менялась моя суть. Я больше не была той напуганной девушкой, что очнулась в больнице. Я чувствовала в себе стержень, силу, о которой раньше и не подозревала.

В один из вечеров, когда за окном лил холодный осенний дождь, а в камине библиотеки уютно потрескивал огонь (я зажгла его щелчком пальцев), Азраэль сказал то, чего я ждала и боялась:

— Ты готова.

Я подняла на него взгляд от книги по истории рода, которую нашла в его бездонной библиотеке.

— Готова к чему?

— К тому, чтобы вспомнить. Твой разум больше не хрупкий сосуд. Твоя кровь горит достаточно ярко, чтобы осветить самые тёмные уголки твоей памяти. Я могу показать тебе ту ночь. На дороге.

Сердце пропустило удар. Я вспомнила тварь с синими глазами на кладбище, её голодный взгляд. Я вспомнила Морока и его белёсые, пустые глаза.

— А это... не опасно? — мой голос дрогнул.

— Опасно, — честно ответил джин. — Но жить в неведении опаснее. То, что охотится за тобой, не исчезнет. Оно будет ждать. А знание — это оружие.

Я долго смотрела на пламя в камине. Страх холодным комком свернулся где-то в животе. Но он уже не мог парализовать меня. Теперь он был лишь топливом для моего огня.

— Хорошо, — я сжала кулаки, чувствуя, как по венам пробегает знакомый жар. — Покажи мне. Я хочу знать всё.

— Ты многому уже научилась за это время, — произнёс Азраэль, наблюдая, как я с лёгкостью удерживаю в воздухе стопку книг, заставляя их плавно кружиться вокруг своей оси. — Но ты всё ещё слишком напрягаешься. Магия — это не рычаг, который нужно дёргать со всей силы. Это дыхание.

Я нахмурилась, и стопка книг с грохотом рухнула на ковёр.

— Легко тебе говорить, — выдохнула я, опуская руки. — Я пытаюсь.

Джин покачал головой, и в его глазах мелькнула искра веселья.

— Нет. Ты *пытаешься делать*. А нужно просто *быть*. Многое уже находится в твоей голове. Тебе стоит только подумать.

Я посмотрела на него, затем на упавшие книги. «Подумать». Я закрыла глаза, отгоняя желание «сделать» что-то. Я просто представила, как одна из книг, толстый фолиант в кожаном переплёте, медленно поднимается с пола.

И она поднялась.

Не со скрипом и напряжением, а легко, словно пушинка. Она зависла в воздухе передо мной, медленно вращаясь. Я открыла глаза. Чувство было... странным. Не как работа мышц, а как продолжение мысли. Как если бы я пошевелила пальцем.

— Вот так, — удовлетворённо кивнул Азраэль. — Теперь ты поняла принцип.

Я заставила книгу плавно опуститься на стол.

— Это... это было так просто.

— Потому что это и есть просто. Твоя кровь помнит. Твой разум просто должен перестать мешать. Ты не вызываешь огонь. Ты и есть огонь. Ты не двигаешь предметы. Ты просто меняешь их положение в пространстве своей волей.

Он щёлкнул пальцами, и в воздухе между нами соткалась из света сложная руна, похожая на звезду, заключённую в круг.

— Это базовый символ воли. Но тебе он больше не нужен как костыль.

Я посмотрела на светящийся знак, затем перевела взгляд на Азраэля.

— А ты? Ты тоже... просто думаешь?

Джин усмехнулся, и его человеческое обличие на мгновение пошло рябью, сквозь него проступили черты львиной морды.

— Для меня законы этого мира — как глиняные таблички для скульптора. Я могу их лепить. Но даже я начинал с основ. Твоя сила уникальна, Ева. Она не подчиняется правилам. Она их создаёт.

Он подошёл к окну и отдернул тяжёлую штору, глядя на ночной лес.

— Но помни: чем больше твоя сила, тем больше и цена. Каждое действие имеет эхо в ткани мира. Будь осторожна со своими желаниями. Иногда они имеют свойство сбываться... буквально. И мне пора кое-куда отлучиться, — неожиданно произнёс Азраэль, отворачиваясь от окна. Его голос прозвучал непривычно глухо, словно доносился из глубокого колодца. — М еня какое-то неопределённое время не будет.

Я приняла это с лёгкостью. В конце концов, чему-то он меня уже научил. Я больше не была беспомощной. Я могла зажечь огонь, могла двигать предметы силой мысли. Дом был под моей защитой, а моя кровь горела достаточно ярко, чтобы отпугнуть любую мелкую нечисть. Тем более скоро приедет сын.

— Хорошо, — кивнула я, стараясь скрыть лёгкую тревогу. — Будь осторожен.

Азраэль обернулся, и на его лице промелькнуло что-то похожее на... беспокойство? Нет, скорее на предчувствие.

— Ты тоже, Ева. Не доверяй никому. Особенно тем, кто будет казаться... знакомым. И не пытайся искать меня. Я вернусь, когда придёт время.

Он щёлкнул пальцами, и его человеческая оболочка растаяла в воздухе, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и песка. Через мгновение в библиотеке снова стоял исполинский лев с бычьими ногами и горящими глазами.

— Помни, — пророкотал он, и его голос эхом отразился от стен. — Дом тебя слушается. Слушайся и ты его.

С этими словами он развернулся и растворился в тени одного из стеллажей, словно его и не было.

Я осталась одна. Тишина библиотеки, которая раньше казалась уютной, теперь давила на уши. Я прошла по комнате, касаясь корешков книг. Дом действительно казался... живым. Я чувствовала его дыхание в скрипе половиц, видела его сны в узорах пыли на полках.

«Не доверяй никому».

Я подошла к окну. Дождь усилился, барабанил по стёклам. Скоро придет Мики. Я улыбнулась, представляя, как расскажу ему... нет, конечно, не всё. Но я покажу ему пару фокусов. Ему понравится.

Внезапно я замерла. Что-то было не так. Моё новое, обострённое чутьё уловило странный диссонанс. Это было похоже на фальшивую ноту в идеальной симфонии дома.

Я резко обернулась и посмотрела вглубь коридора, ведущего к холлу.

Там кто-то был.

И этот «кто-то» не принадлежал этому месту. Его аура была чуждой, холодной и липкой, как след слизи на стекле.

**«Не доверяй никому»*, — эхом прозвучали в голове слова Азраэля.*

Похоже, моё испытание началось раньше, чем я думала.

Глава 4. Незванный гость

Я застыла, взглядываясь в темноту коридора. Моё сердце, только что согретое мыслями о сыне, снова превратилось в ледяной ком. Дом, который я только что чувствовала как продолжение себя, теперь казался мне клеткой. Я была здесь одна, а Азраэль... его не было.

**«Не доверяй никому. Особенно тем, кто будет казаться... знакомым»*.*

*Я бесшумно, на цыпочках, подошла к двери библиотеки и выглянула наружу. Коридор был пуст. Но я знала, я *чувствовала* — это не было игрой воображения. В доме был кто-то чуждой.*

*Аура была странной. Не как у того существа на кладбище — голодной и злой. Эта аура была... *пустой*. Словно дыру в реальности прикрыли дешёвой, плохо сшитой тканью. Она не пульсировала жизнью, она её поглощала.*

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоить бешено стучащее сердце. Я больше не была беспомощной. Я — Ева. Я — Дитя Крови. У меня есть сила.

Я закрыла глаза и потянулась к огню внутри себя. Он отозвался мгновенно, тёплой волной прокатившись по венам. Я открыла глаза, и мои ладони едва заметно засветились в полумраке.

**«Тебе стоит только подумать»*, — сказал Азраэль.*

*Я подумала о том, чтобы увидеть. Не глазами, а тем новым чувством, которое он во мне пробудил. И мир преобразился. Стены коридора стали полупрозрачными, и я увидела *его*. Он стоял у подножия главной лестницы, спиной ко мне.*

Это был мужчина. Высокий, в длинном тёмном пальто, с которого стекала дождевая вода. Он не двигался, просто стоял и смотрел на огромный портрет графа, висевший над камином в холле.

*Я бесшумно спустилась на несколько ступенек вниз, чтобы лучше его видеть. Он был... обычным. Слишком обычным для этого места. Его аура была тусклой, серой, как старый асфальт. Но под этой серостью я разглядела то, о чём говорил джин. Это была не просто пустота. Это была *маска*. Идеальная, без единого шва.*

Он словно почувствовал мой взгляд и медленно повернул голову. Не резко, а плавно, как механизм в старых часах.

Наши взгляды встретились.

У него были самые обычные глаза. Карие, немного усталые. На вид ему было лет сорок пять. Лицо ничем не примечательное, такое можно забыть через минуту после встречи.

Он улыбнулся. Это была вежливая, дежурная улыбка.

— Добрый вечер, — произнёс он ровным, спокойным голосом. — Простите за вторжение. Дверь была не заперта.

Его голос был таким же обычным, как и его лицо. Но эта обычность была хуже любого уродства. Она была ложью от первого до последнего слова.

Я сжала кулаки, чувствуя, как пламя внутри меня начинает закипать.

— Кто вы? И что вам нужно в моём доме?

Он сделал шаг ко мне. Его движения были плавными, выверенными.

— О, прошу прощения за мою невежливость. Меня зовут Адам.

Он протянул мне руку для рукопожатия.

— Я здесь по поводу вашего сына, Ева. У меня есть информация о Мики.

Его имя прозвучало как удар хлыста. Адам. Я не помнила никакого Адама, но звучание этого имени отозвалось во мне глухой, ноющей болью, словно старый шрам на погоду. Я инстинктивно сделала шаг назад, и моя спина упёрлась в холодные перила лестницы.

— Я не знаю никакого Адама, — мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. Пламя в моих ладонях вспыхнуло чуть ярче, отбрасывая на стены дрожащие тени.

Он не обратил на это внимания. Или сделал вид, что не обратил. Его пустая, серая аура оставалась такой же спокойной и непроницаемой.

— Конечно, не знаешь, — его улыбка стала шире, но в ней не было и тени тепла. — Твоя память — как решето, не так ли? Провалы. Тёмные пятна. Особенно всё, что связано со мной.

Он медленно опустил протянутую руку, словно понимая, что я не приму её.

— Я здесь не для того, чтобы причинить тебе вред, Ева. Я здесь из-за Мики. Луиза... она хорошая женщина, но она не сможет его защитить. Не от того, что грядёт. Холодок пробежал по моей спине. Он знал про Луизу. Он знал про Мики.

— Что... что ты несёшь? — прошипела я, чувствуя, как страх смешивается с яростью. — Убирайся из моего дома. Сейчас же.

Адам вздохнул, и в этом вздохе было столько показного разочарования, что меня затошнило.

— Ты всегда была упрямой. Даже когда я нашёл тебя — голодную, сломленную, живущую в коробке под мостом — ты смотрела на меня с такой же ненавистью в гла-

зах. И посмотри, кем ты стала. Наследницей. Хозяйкой особняка. Ты получила всё, о чём я тебе говорил.

Он обвёл рукой холл.

— Всё это могло быть нашим. Мы могли бы быть семьёй. Настоящей семьёй.

Слово «семья» в его устах звучало как грязное ругательство.

— Ты лжёшь, — я мотнула головой, пытаюсь прогнать туман, который начали застилать мои мысли. Его слова были ядом, они пытались найти трещину в моей защите. — Я бы тебя помнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.